

Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ДО

АДАМА СМИТА

Австрийский взгляд на историю
экономической мысли

Перевод с английского В. Зеленов
«Библиотечка австрийской экономической школы»
<http://www.zelenovbooks.com/>

2. Христианское Средневековье

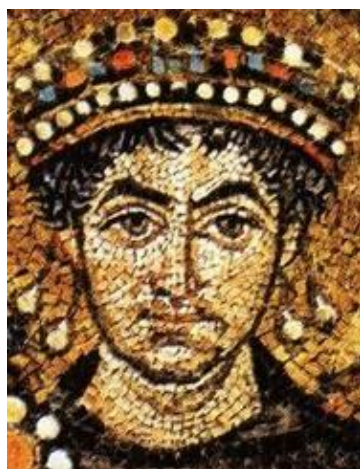
29

2.1 Римское право: права собственности и *laissez-faire*

31

Римское право, зародившееся в Римской республике и действовавшее в эпоху Римской империи и в Средние века, оказало сильнейшее влияние на правовую и политическую мысль и институты христианского Запада. Римское право в своем классическом виде разрабатывалось в I–III вв. н.э. В рамках частного права была создана теория абсолютного права частной собственности и свободы торговли и договора. Хотя римское публичное право теоретически допускало вмешательство государства в жизнь гражданина, в конце республиканского периода и в эпоху ранней империи подобное вмешательство не носило массового характера. Поэтому для более поздних веков права частной собственности и принцип *laissez-faire* стали фундаментальным наследием римского права, и в большой степени были восприняты странами христианского Запада.

Хотя в IV–V веках произошло крушение Римской империи, ее юридическое наследие сохранилось, оно воплотилось в двух великих собраниях римского права: это Кодекс Феодосия, обнародованный императором Феодосием в 438 г. н.э. и оказавший огромное влияние на Запад, и великий четырехтомный Корпус (*Corpus Juris Civilis*), обнародованный в 530-х годах н.э. на Востоке византийским христианским императором Юстинианом.

Юстиниан

Феодосий

В обоих кодексах особый акцент делался на том, что «справедливая» цена (*justum pretium*) есть просто любая цена, возникающая в результате свободного и добровольного торга между покупателем и продавцом. Каждый человек имеет право делать со своей собственностью все, что он пожелает и, следовательно, имеет право заключать договоры с целью передать в дар, купить или продать такую собственность; следовательно, любая свободно устанавливаемая цена является «справедливой». Так, в Корпусе Юстиниана несколько ведущих римских юристов III в. цитируют высказывание юриста начала II в. Помпония, сделанного в духе классического *laissez-faire*: «При покупке и продаже естественный закон разрешает одной стороне покупать дешевле, а другой продавать дороже того, что вещь стоит; таким образом, каждая сторона имеет право перехитрить другую»; и «лицам естественным образом разрешается

обманывать друг друга в цене покупки или продажи». Единственная проблема здесь — странная фраза, ставшая предвестником мрачного будущего — фраза о том, что «вещь стоит», в которой предполагается, что существует некая *иная* цена, отличная от цены свободного торга, выражающая некую «истинную ценность».

В этом отношении Кодекс Феодосия был более определённым, и в нем с предельной ясностью заявлялось: любая цена, которая устанавливается в результате свободных и добровольных торгов, является справедливой, за единственным исключением договора, заключаемого детьми. Насилие или мошенничество, как посягающие на права собственности, считались, конечно, незаконными. В Кодексе ясно говорилось, что незнание ценности блага покупателем или продавцом не является достаточным основанием для того, чтобы власти вмешались и отменили добровольно заключенное соглашение. Позднее Кодекс Феодосия был перенесен в Западную Европу, примером чему стала Вестготская правда, составленная в VI и VII веках, и Баварская правда начала VIII века. В Баварскую правду было добавлено четкое положение о том, что покупатель не может расторгнуть сделку на основании своего более позднего решения о том, что согласованная цена была слишком высока. Это *laissez-faire* аспект кодекса Феодосия позже стал частью христианского канонического права, будучи включенным в IX веке н. э. в собрание «*capitularies*» (капитулярий) диаконом Св. Бенедиктом.

Хотя обнародованный на Востоке Кодекс Юстиниана в целом был выдержан в духе *laissez-faire*, в нем все же присутствовал некоторый элемент, который позднее разросся и стал оправданием нападков на свободный торг. В рамках обсуждения того, как суды могут оценивать имущество с целью возмещения ущерба, в Кодексе Юстиниана отмечалось, что, если продавец продал свою собственность дешевле, чем за половину «справедливой цены», то тогда он терпит «большой убыток» (*laesio enormis*), и продавец в этом случае имеет право

либо получить обратно от покупателя разницу между первоначальной ценой и справедливой ценой, либо вернуть свое имущество по той первоначальной цене. По-видимому, это положение должно было применяться только в сфере недвижимости и было призвано компенсировать ущерб, в том случае, если власти каким-то образом узнавали «истинную» цену, и оно не оказало никакого влияния на законы нескольких последующих веков. Однако имело самые печальные последствия для отдаленного будущего.

2.2 Как ранние христиане относились к торговцам

В Средние века не только римское право оказывало влияние на экономические идеи. Двойственная позиция ранней христианской традиции также имела очень большое значение.

И в Ветхом, и в Новом Завете экономические вопросы едва ли находятся в центре внимания. Разбросанные по всему тексту высказывания на экономические темы противоречивы и могут пониматься неоднозначно. Громогласное порицание чрезмерной любви к деньгам не обязательно подразумевают враждебность по отношению к торговле или к богатству. Однако в Ветхом завете вновь и вновь повторяется один весьма примечательный, почти кальвинистский мотив, восхваляющий труд как таковой. В отличие греческих философов, презрительно относившихся к труду, Ветхий Завет наполнен проповедями о пользе труда: от «плодитесь и размножайтесь» книги Бытия до «Наслаждайся жизнью в своем труде, которым ты трудишься под солнцем» Екклесиаста. Как ни странно, эти призывы к труду часто сопровождаются предостережениями против накопления богатства. Позже, в II веке до н.э., иудейский автор апокрифической книги «Екклесиастик» заходит так далеко, что превозносит труд в качестве священного призвания.

В греческих списках библейского текста (александрийском, синаяском, Ефрема Сирина) книга надписывается «Премудрость Иисуса сына Сирахова», каковое наименование перешло в славянский и русский переводы. В Ватиканском списке — «Премудрость Сираха», в Вульгате — «Liber Iesu filii Sirach, seu Ecclesiasticus» (не путать с «Liber Ecclesiastes»). Наименования: «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» и

«Премудрость Сираха» указывают на писателя книги (L:29; LI:1), а «Екклезиастик» — на её поучительный характер. — *пер.*

Те, кто занят ручным трудом, пишет он: «поддерживают целостность ткани мира, и их молитва содержится в самой практике их торговли». Тем не менее, стремление к деньгам им осуждается, и к торговцам он обычно относится с глубоким подозрением: «Купец едва ли удержится от соблазна, и торговец не будет признан свободным от греха». И при этом, в этой же книге «Премудрости...» читателя учат не стыдиться прибыли или успеха в бизнесе.

Отношение к труду и торговле ранних христиан, в том числе Иисуса и апостолов, было окрашено напряженным ожиданием неминуемого конца света и пришествия Царства Божия. Очевидно, что если человек ожидает приближающегося конца света, то он не склонен проявлять терпение и заниматься такими видами деятельности, как инвестирование или накопление богатства; скорее проявится склонность вести себя подобно цветам полевым, последовать за Иисусом и забыть о мирских делах. Именно в этом контексте мы должны понимать знаменитые слова Святого Павла «любовь к деньгам есть корень всех зол».

В книгах Нового Завета, авторство которых приписывается св. Иоанну и которые датируются примерно 100 г. н.э., автор ясно дает понять, что христианская церковь отказалась от идеи неминуемого конца света. Однако эллинистическое наследие и Евангелия способствовали тому, что отцы ранней церкви пересмотрели свои взгляды на мир и на хозяйственную деятельность и принялись метать громы и молнии по адресу богатства и торговцев, стремящихся к накоплению этого богатства. Отцы церкви выступали против коммерческой деятельности, поскольку таковая обязательно несет на себе печать греха, ибо почти всегда сопровождается обманом и мошенничеством. Возглавил это движение мистический и апокалиптический Тертуллиан (160–240), выдающийся

карфагенский адвокат, обратившийся в конце жизни в христианство и, в конечном итоге, основавший собственную еретическую секту.

Тертулиан

Для Тертуллиана атака на торговцев и на стяжательство была неотъемлемой частью общей филиппики против светского мира, который, как он ожидал, в любой момент может оказаться на мели ввиду избыточного населения, поэтому скоро на землю обрушатся «эпидемии, голод, войны и разверзшаяся земля станет поглощать целые города», как ужасное решение проблемы перенаселения.

Два столетия спустя яростный Святой Иероним (около 340–420), получивший образование в Риме, однако подпавший под сильное влияние восточных отцов, провозгласил, что торговля порочна, поскольку выгода одного человека всегда достигается за счет потери другого: «Все богатство приходят от неправды, ибо если никто не потерял, другой не сможет найти. Следовательно, как я полагаю, общее мнение право, когда утверждает, что «человек богатый неправеден или является наследником неправедного».

Святой Иероним

И все-таки есть еще один звучащий диссонансом мотив, даже у самого Иеронима, который в то же самое время заявил, что «мудрый человек с богатством имеет большую славу, чем тот, кто обладает одной лишь мудростью», поскольку он может совершить больше добрых дел; «богатство не препятствие для богатого человека, который пользуется им правильно».

Из ранних отцов церкви возможно самое разумное отношение к богатству и стремлению делать деньги продемонстрировал уроженец Афин и восточный церковный иерарх Климент Александрийский (с.150–215).

Климент

Климент учил, что имущество должно использоваться для блага общества, и в то же время поддерживал частную собственность и накопление богатства. Он раскритиковал аскетический идеал избавления себя от своей собственности, назвав его глупым. Как мудро выразился Климент, затронув тему естественного закона:

«Мы не должны отвергать богатства, которое может принести пользу нашему соседу. Имущество создавалось для того, чтобы им владели; блага называются благами, потому что они действительно творят благо,

и они были посланы Богом во благо людей: они всегда под рукой и служат материалом, инструментом для правильного использования теми, кто знает, как их использовать».

Климент также продемонстрировал свое трезвое отношение к бездомным беднякам. Если жизнь без имущества столь желанна, отметил он,

34

«... тогда вся толпа пролетариев, изгоев и попрошайек, живущих впроголодь, все эти жалкие изгои на улицах, хотя они живут не ведая Бога и Его справедливости, окажутся самыми благословенными и самыми религиозными и единственными кандидатами на жизнь вечную просто потому, что у них нет ни гроша за душой ...»

Самым значительным из отцов ранней Церкви был великий Св. Августин (354–430), живший во времена разграбления Рима в 410 г. и распада Римской империи, который смотрел в будущее, обзревая пост-античный мир, на который ему было суждено оказать значительное влияние.

Аврелий Августин

Аврелий Августин родился в Нумидии в Африке, получил образование в Карфагене и стал профессором риторики в Милане. Приняв крещение в возрасте 32 лет, Св. Августин стал епископом в городе Гиппоне, неподалеку от Карфагена, в своей родной Северной Африке. Римская империя приняла христианство столетием раньше, при Константине, и Августин создавал свой великий труд «О граде божьем» в качестве опровержения обвинения в том, что принятие христианства привело к падению Рима.

Высказывания Августина, отражающие его экономические взгляды, разбросаны по всей книге «О граде божьем» и встречаются в других его произведениях, оказавших столь значительное влияние. Однако он со всей определенностью и, предположительно, независимо от Аристотеля, пришел к пониманию того, что цены, которые люди платят за блага, ценность, которую они придают этим благам, определяется не каким-то объективным критерием или рангом этих благ в природном порядке, но потребностями самих людей. Эту концепцию можно считать, по крайней мере, базисом теории субъективной ценности, которая в последующем будет разработана австрийской школой. Он также отметил, что желание покупать дешево и продавать дорого является общим для всех людей.

Более того, Августин стал первым из отцов церкви, кто высказал положительное отношение к роли торговца. Отвергая обычные святоотеческие обвинения торговцев, Августин отметил, что купцы оказывают полезную услугу, перевозя блага на большие расстояния и продавая их потребителям. Поскольку в соответствии с христианскими принципами «трудящийся достоин награды своей», то и купец тоже заслуживает компенсации за свою деятельность и за свой труд.

На обычные обвинения в том, что коммерческой торговле неотъемлемо присущи обман и мошенничество, Августин убедительно отвечал, что любые подобные обманы и вероломство оказывались виной не торговли, а самого торговца. Подобные грехи есть следствие порочности самого человека, а не его занятия. В конце концов, указал Августин, сапожники и земледельцы также способны на обман и вероломство, однако отцы церкви не осуждают *их* занятий, и не расценивают эти занятия в качестве зла *как такового*.

Эта фраза, снимающая с торговцев пятно имплицитного зла, оказала чрезвычайно большое влияние в последующие века, и постоянно цитировалась в период расцвета христианской мысли в XII и в XIII веках.

Менее значительным, но все же важным вкладом в общественную мысль стала сделанная Св. Августином переоценка отношения античного мира к человеческой личности. Согласно представлениям греческих философов индивидуальная личность должна формироваться таким образом, чтобы соответствовать потребностям и желаниям *полиса*. Диктат *полиса* с необходимостью означал статичное общество, которое не приемлет никаких инновационных предпринимателей, пытающихся вырваться из рамок существующего шаблона. Однако Св. Августин сделал акцент на личности человека, который стремится раскрыть себя и, следовательно, с течением времени прогрессирует. Таким образом, глубокое внимание Августина к человеку, по крайней мере косвенно, способствовало установлению такого отношения, которое благоприятствует инновациям, экономическому росту и развитию. Однако на самом деле христианские богословы и философы XIII века, развивавшие идеи Августина, не очень акцентировали этот аспект его размышлений. Какая ирония судьбы, что человек, подготовивший почву для оптимизма и появления теории человеческого прогресса, лежа на своем смертном одре, стал свидетелем того, как орды варваров осаждают его любимый город Гиппон.

Хотя Св. Августин положительно оценивал роль торговца, он также приветствовал, хоть и не столь тепло, социальную роль правителей государства. С одной стороны, Августин использовал и расширил притчу Цицерона, в которой показывается, что Александр Великий был просто-напросто пиратом, только с большой буквы, и что государство есть ничто иное, как крупномасштабная и оседлая банда грабителей. В своей знаменитой книге «О граде Божиим» Августин вопрошает:

«И поэтому, если правосудие отброшено, какие могут быть царства, помимо огромных банд разбойников? Что есть разбойничья шайка, как

не маленькое царство? Шайка тоже является группой людей, которыми посредством своих приказов управляет вождь, которые связаны рамками общественного договора и которые делят свою добычу в соответствии с принятыми законами. Если она постоянно пополняется отчаянными людьми, то эта чума распространяется в такой степени, что занимает территорию и определенное положение, захватывает города и подчиняет себе людей, и тогда она с большим основанием называется царством, и это название теперь принадлежит ей открыто, но не потому, что исключена алчность, но ввиду безнаказанности. Именно таков был элегантный и истинный ответ, данный Александру Великому неким пиратом, которого он захватил. Когда царь спросил его, о чем он думал, когда досаждал тем, кто плавает по морю, он ответил с дерзкой независимостью: «О том же, что и ты, когда ты досаждаешь целому миру! Ибо я делаю это, имея лишь небольшой корабль, и меня называют пиратом. А ты делаешь это, обладая огромным флотом, и тебя называют императором».

I. Saint Augustine, *The City of God* (Cambridge, Mass.: Loeb Classical Library/Harvard University Press, 1963), Vol. II, Book IV, IV, p. 17.

Тем не менее, Августин заканчивает тем, что одобряет роль государства, даже если это разросшаяся до огромных масштабов шайка разбойников. И хотя он делал акцент на роли индивида, в противовес *полису*, Августин, во вполне докальвинистском духе, подчеркивал также порочность человека и его развращенность. В этом падшем, порочном и грешном мире государственное правление, хоть оно неприятно и основано на принуждении, становится необходимым. Таким образом, Августин поддержал насильственное подавление христианской церковью Северной Африки ереси донатистов, по-настоящему веривших, в отличие от Августина, в то, что все цари обязательно являются злом.

Однако уподобление главы государства атаману разросшейся шайки разбойников в своем исходном антигосударственном контексте в конце XI века было возрождено великим папой Григорием VII в ходе его борьбы с королями Европы за

проведение его григорианских реформ. Подобные горькие настроения протеста против власти государства время от времени возникали в начале христианской эры и в Средние века.

2.3 Каролинги и каноническое право

«Каноническое право» — закон, регулировавший деятельность церкви и в эпоху раннего христианства. В Средние века взаимопроникновение церкви и государства часто означало, что каноническое право и государственное право были суть одно. Раннее каноническое право составляли папские декреты, указы церковных соборов и труды отцов церкви. Мы уже знаем, что позднее каноническое право многое позаимствовало из римского права. Однако в каноническое право также было включено и нечто принципиально порочное: указы и нормативные акты («капитулярии») империи Каролингов конца VIII и IX вв.

С V по X века во всей Европе воцарился средневековый экономический и политический хаос и, следовательно, для развития политической, правовой или экономической мысли возможностей осталось мало или их не было вовсе. Единственным исключением стала процветавшая в Западной Европе Каролингская империя.

Карл Великий

Самым значительным императором Каролингов был Карл Великий (742–814), наследники которого оставались у власти вплоть до конца IX века. В капитулярии за капитулярией Карл и его преемники обстоятельно формулировали нормы для каждого аспекта экономической, политической и религиозной жизни всей империи. Многие из этих норм затем были включены в каноническое право последующих веков, продолжая, тем самым, оказывать ощутимое влияние и после крушения самой империи Каролингов.

Однако основа, на которой Карл Великий выстроил систему своих деспотических законов, была шаткой. Так, первый Вселенский Никейский собор (325) запрещал священнослужителям всякое участие в любой хозяйственной деятельности, ведущее к «позорной прибыли» (*turpe lucrum*). Созванный Карл собор в Неймегене (806) возродил, значительно расширил и вновь навязал старую доктрину *turpe lucrum*. Однако теперь запрет распространялся уже на всех, а не только на клириков, и границы определения были расширены — от мошенничества до всех видов жадности и алчности, сюда же относилось и любое неповиновение многочисленным нормам ценового регулирования Карла Великого. Любые рыночные отклонения от этих фиксированных цен со стороны покупателей или продавцов попадали под обвинение в стремлении к наживе и, следовательно, *turpe lucrum*. Как следствие, все спекулятивные покупки и продажи продовольственных товаров были запрещены. Кроме того, предвосхищая английское общее право, запретившее «forestalling» (скупка товаров заранее с целью контроля цен — *пер.*),

были запрещены любые продажи товаров вне рынков или по ценам, более высоким, чем обычные рыночные цены.

Поскольку мотивом для английского общего права было вовсе не ложное стремление помочь бедным, но намерение даровать монопольные привилегии местным владельцам рынков, поэтому весьма вероятно, что Карл Великий тоже пытался картелировать рынки, предоставляя привилегии их владельцам.

Всякая произвольная цена, установленная указом каролингских чиновников, считалась «справедливой ценой». Вероятно, эта навязанная цена часто была близка к обычной или текущей цене, сложившейся в округе; в противном случае было бы трудно представить себе, как чиновники Каролингов могли выяснить, какой должна быть справедливая цена. То есть предпринимались бесплодные попытки неэкономического характера заморозить все цены на основе некоего недавнего рыночного *status quo*.

Проблема в том, что позднее каноническое право позаимствовало идею о том, что установленная государством цена — это справедливая цена. Запрет любых цен, превышающих текущую рыночную цену, был снова введен погибшим в 884 году последним императором Каролингов Карломаном. А в 900 г. Регино Прюмский включил этот запрет в свой свод канонического права, и более чем столетие спустя в свой свод его включил Бурхард Вормский.

Примечательно, что обеим противоположно направленным тенденциям права: теме *невмешательства* кодекса Феодосия и государственническому *мотиву* Каролингов, как заметил на рубеже XII века епископ Иво Шартрский, нашлось место в обширном собрании, ставшем основой средневекового канонического права.

Иво Шартрский

Там же, в том же собрании мы встречаем и точку зрения о том, что справедливая цена есть любая цена, к которой покупатель и продавец пришли добровольно, *и* также находим противоположный взгляд, что справедливая цена устанавливается государственным декретом, особенно если это общая цена на обычных рынках.

2.4 Канонисты и романисты Болонского университета

Высокое Средневековье ознаменовалось коммерческой революцией XI–XIII веков, на протяжении которых торговля, производство и финансы процветали, уровень жизни заметно вырос, в Западной Европе сформировались институты торгового капитализма. По мере экономического роста и процветания также начали возрождаться каноническое и римское право, научная и общественная мысль.

В эпоху Высокого Средневековья источником и важнейшим центром исследований в сфере как канонического, так и римского права стал Болонский университет в Италии, расцвет

которого пришелся на период с начала XII до второй половины XIII вв. В течение этих двух столетий и каноническое право, и римское, включая Кодекс Юстиниана, были возрождены в Болонье, взаимно влияли друг на друга и распространились по всей Западной Европе.

Грациан

Обширный и наиболее полный свод канонического права, *Decretum* около 1140 г. был опубликован итальянским монахом Йоханнесом Грацианом, ставшим в Болонском университете отцом науки канонического права. С этого момента Декрет Грациана стал определяющей работой по каноническому праву, и до конца XII ученые Болоньи, известные как декретисты, разрабатывали, обсуждали и писали глоссы по работе Грациана.

Сам Грациан и его ранние глоссаторы заняли традиционно ревностную антикоммерческую позицию. Спекуляция, скупка задешево, продажа задорого — чисто коммерческая деятельность — считалась *turpe lucrum* и неизбежно увязывалась с мошенничеством.

38

Глоссаторами именовались прежде всего профессор римского права в Болонском университете и их ученики, занимавшиеся изучением этого права в течение XII и XIII вв., названные так по преобладающей форме своих трудов, глоссе. Сочинения глоссаторов, как и их преподавание, имели различный вид. Кроме выяснения смысла отдельных слов и выражений (глосса в прямом значении), они иногда выясняли отдельные места путем примеров, извлекали общие положения из объяснений и т. д. — *пер.*

Первым декретистом, занявшим здравую позицию по отношению к деятельности торговца, был болонский профессор Руфин Ассизский, позже ставший епископом Ассизским, а впоследствии архиепископом Сорренто.

Руфин Ассизский

В своей *Summa* (1157–59) к *Decretum* Руфин отметил, что ремесленники и умельцы могут покупать материалы дешевле, работать с ними, преобразовывать их, а затем продавать готовый продукт по более высокой цене.

Такая форма покупки задешево и продажи задорого оправдывалась расходами ремесленника и его трудом и считалась допустимой не только для мирян, но даже для духовенства. Но другой вид деятельности, практикуемый чистым коммерсантом или спекулянтom, покупающим дешево и продающим дорого, не преобразовывая продукт, был, согласно Руфину, под абсолютным запретом для духовенства. Однако профессиональный купец, не теряя при этом чести, мог участвовать в этих операциях, при условии, что он либо понес крупные расходы, либо был истощен тяжелым трудом. Однако чисто предпринимательское стремление совершать покупку дешево, после чего, когда рыночные цены станут выше, последуют продажа, Руфином безоговорочно осуждалось.

Это частичная реабилитация торговца со стороны декретистов был включена в важную *Summa* 1188 года болонского профессора Хугуччио, в последствии избранного епископом города Феррара. Хугуччио полностью воспроизвел позицию Руфина, однако перенес акцент оправдания торговца с труда и издержек на те действия, которые обеспечивают потребности семьи торговца. Хугуччио сделал главный акцент не на объективных издержках, а на субъективных намерениях

торговца, полагая, что они могут быть распознаны: является это просто жадностью или желанием удовлетворить потребности своей семьи? Очевидно, что Хугуччио, тем самым, предоставил для деятельности торговцев значительные возможности.

Кроме того, Хугуччио предпринял радикальную реконструкцию святоотеческих учений о частной собственности. С времен Хугуччио частная собственность стала рассматриваться как священное право, вытекающее из естественного закона. Собственность индивидов и общин, по крайней мере в принципе, должна была быть свободной от произвольного посягательства со стороны государства. Как «модератор» и «арбитр» своих собственных благ, индивидуальный владелец может пользоваться и распоряжаться ими по своему усмотрению, при условии, что он не нарушил общие правовые нормы. Правитель мог только экспроприировать собственность невинного субъекта, если того требовала «общественная необходимость». Конечно это положение было явным изъяном в системе прав, поскольку понятие «общественная необходимость» может быть и часто бывало весьма эластичным. Однако в целом эта концепция частной собственности стала огромным шагом вперед, по сравнению со святоотеческими учениями.

С конца XII века движение декретистов в каноническом праве уступило место школе декреталистов конца XII–XIII вв., которая опиралась на поток папских указов или декреталий. Поскольку папа является главой католической церкви, декреталии, исходившие от него или его Римской *курии* в Ватикане, автоматически включались в свод канонического права. Таким образом, каноническое право стало все сильнее отходить от Грациана и декретистов, который выстраивали закон, основываясь в основном на древних источниках. Однако и новые декреталии тоже не были произвольными; они основывались на раннем каноническом праве и выводились из него. Непрерывности процесса правотворчества во многом способствовал тот факт, что некоторые из тех пап происходили

из Болоньи. Так, Папа Александр III (Роланд Бандинелли), который инициировал новый процесс декреталий, и который продолжительное время занимал папский престол (1159–1181), изучал право и богословие в Болонье и, вероятно, был там профессором и непосредственно общался с великим Грацианом. Известный ученый-правовед, автор ранней *суммы* по Декрету Грациана, Александр до своего избрания на папский престол был избран кардиналом и занимал должность канцлера папского двора. Еще один важный папский декреталист, папа Иннокентий III (Лотарио Конти, граф Сеньи), занимавший престол с 1198 по 1216 гг., изучал каноническое право в Болонье под руководством Хугуччио. Наконец, папа Григорий IX (Уголино де Сеньи), понтифик с 1227 по 1241 гг. собрал и опубликовал в 1234 году судьбоносные «Декреталии», в которые, в дополнение к папским декреталиям, вошел и Декрет Грациана, опубликованный столетием ранее. С этого момента «Декреталии» Григория IX стали стандартом работы по каноническому праву.

Декреталисты гораздо более благосклонно относились к торговцам и к свободному рынку, чем декретисты до них. Прежде всего декреталисты, вместо отрицательного святоотеческого отношения к купцам и торговле, начиная с папы Александра III и вплоть до Григория IX, разделяли отношение римского права к свободному рынку. К сожалению, это отношение не вполне соответствовало принципам *laissez-faire* кодексов Феодосия или даже Юстиниана. Поскольку, когда в начале XII века Кодекс Юстиниана попал в Болонью и в Западную Европу, французский автор *Brachylogus* значительно искажил смысл принципа *laesio enormis* (чрезмерного ущерба — *пер.*) Кодекса Юстиниана. Вместо применения концепции «справедливой цены», отличной от фактической цены, только при оценке ущерба (при сделках с недвижимостью — *пер.*), как в Кодексе Юстиниана, *Brachylogus* распространил эту концепцию с недвижимости на все блага, и с оценки ущерба на все фактические продажи. В интерпретации *Brachylogus*, если

любая продажа, даже добровольная, были произведена по цене, меньшей половины «справедливой цены», тогда продавец имел право предоставить покупателю выбор: либо оплатить разницу между ценой продажи и справедливой ценой, либо расторгнуть договор; при этом покупатель возвращает товар, а продавец возвращает плату. Отметим, что это не являлось механизмом картелизации, поскольку ни третьи лица, ни государство не имели права вмешиваться, с целью обеспечить соблюдение *laesio enormis*; принуждение должно было производиться только в случае, если обвинение выдвигалось самим продавцом.

Римское право, развивавшееся на протяжении XII и XIII вв., в значительной степени является продуктом Болонского университета, в стенах которого в конце XI века Ирнерием была основана исследовательская школа римского права. В середине XII века юристы-романисты из Болоньи приняли расширительную трактовку *brachylagus* понятия *laesio enormis*. Около 1150 г. провансальский кодекс *Lo Codi*, популярная адаптация недавней болонской *суммы*, добавил еще одно, ставшее роковым, расширенное толкование принципу *laesio enormis*.

Lo Codi — ранняя «сумма» книг кодекса Юстиниана, написанная на старо-окситанском (старо-провансальском) языке, позже переведенная на латынь — *пер.*

Впервые это провансальская работа включала *покупателей* наравне с продавцами в число пострадавших от *laesio enormis*, когда цена продажи была значительно выше справедливой цены. В *Lo Codi* если покупатель заплатил вдвое дороже истинной или справедливой цены продукта, то продавец имел возможность либо оплатить покупателю разницу между справедливой и продажной ценой, либо расторгнуть договор. Примечательно, что когда был сделан обратный перевод *Lo Codi* на латынь, эта новая расширенная, ограничивающая *laissez-faire* интерпретация, была в конце XII века добавлена в

римское право. В частности, профессором римского права в Болонье Альберикусом в его свод канонического права.

Процветающий принцип *laesio enormis* получил свое предельное расширительное толкование в конце XII века в работе болонского воспитанника Петруса Плацентинуса. Плацентинус снизил максимально допустимую цену в полтора раза, по отношению к справедливой цене, и по достижении этой цены вступал в силу принцип *laesio enormis*. Это окончательное расширенное толкование было включено в работы трех великих болонских профессоров римского права XIII века: Азо (около 1210 г.); уроженца Флоренции Аккурсиса, оказавшего большое влияние, ученика и последователя Азо (около 1228–60); и Одофредуса, ставшего в середине XIII века вершиной болонской школы.

Хотя в XII и XIII вв. католики действительно приняли тривиальную концепцию *laesio enormis* и, тем самым, значительно ограничили свободу договора и *laissez-faire*, однако в конце XII века они, по крайней мере, столь же отчетливо заявили о том, что в рамках *laesio enormis* свобода переговоров и свобода перехитрить другого должна быть полной. Начиная с папы Александра III, декреталисты многое почерпнули из этой традиции римского права.

Это означало, что теперь церковный закон берет на вооружение не только святоотеческие громовые раскаты в адрес торговцев *per se*, но также и имеющую противоположную направленность традицию полной свободы торгового дела в рамках *laesio enormis*. Деятельность декреталистов достигла пика, когда «Декреталии» Григория IX получили новое развитие и трактовку в работах кардинала Генрика Гостезиса де Сегузо, в период с конца 1250-х и до 1271 года, года его смерти. Гостензис изучал каноническое и римское право в Болонье, преподавал в Англии и Франции и был кардиналом-архиепископом Остии.

Гостензис

Декреталисты оправдывали спекулятивные покупки и продажи, освобождая их от греха *turpe lucrum*, принимая и расширяя линию Хугуччио, когда спекуляция считается допустимой, если спекулянт действует с целью удовлетворения потребностей своей семьи. В *глоссе* французского каноника доминиканца Уильяма Ренна (около 1250 г.), эта область свободы была расширена еще больше.

Действия торговца или спекулянта не считались греховными, если они не были обусловлены бессмысленной страстью обретения временных богатств. Если они совершались не для необходимого применения или полезности, но из любопытства, достигающего такой степени, что люди оказываются зачарованными фантазиями, подобно сорокам или воронам, соблазненных монетами, которые они находят и прячут. Определенно, что такого рода ограничения, которые в реальной жизни касаются лишь очень немногих людей, отстоят очень далеко от святоотеческого обличения коммерсантов и торговцев *per se*.

Другое послабление ограничений исходило от Алана Английского, уроженца Англии и профессора канонического права в Болонье, писавшего в первые два десятилетия XIII века. Алан заявил, что *turpe lucrum* (или ростовщичество, если на то пошло) не может существовать, если будущая цена блага в уме торговца не сформировалась. Неопределенность присутствует всегда, и не на только рынке. Внешний судья или орган власти тоже неспособен доказать, что торговец *не* пребывал в *неопределенности*, когда он покупал или продавал. По

существо, тем самым снимались все ограничения на торговлю *turpe lucrum* или на спекуляцию.

При анализе прибылей бизнеса более поздние канонисты XIII века добавили к раннему оправданию прибыли ее понимание как затраченный труд плюс издержки. Элемент риска также присутствует в любой бизнес-ситуации. Рост цен, как следствие риска, впервые получил оправдание в известных комментариях канонического права папы Иннокентия IV (Синибальдо Фиески, графа Лаваньи), опубликованных между 1246 и 1253 гг. Прежде, чем стать папой, Иннокентий, уроженец Генуи, изучал римское и каноническое право в Болонье, был профессором римского права в этом университете, и, наконец, стал кардиналом и известным государственным деятелем.

Иннокентий IV

Если цена сделки выходила за пределы определенной зоны значений выше или ниже справедливой цены, и такая сделка признавалась греховной и незаконной, то тогда церковь и власть должны найти способ понять, какой должна быть справедливая цена. До XII и XIII вв. это не было проблемой, поскольку доктрина *laesio enormis* в реальной жизни не применялась. Решение каноников и романистов, схожее с доктриной Каролингов, состояло в том, что справедливая цена была подвижной, текущей, обычной рыночной ценой (*communis aestimatio*). Это означало либо конкурентную, обычную рыночную цену, в противоположность отдельным

изолированным сделкам, *либо* могло относиться к ценам, установленным государством или гильдиями, привилегии которым дарует государство, поскольку такие элементы управления будут посредством строгих законов определять цену *de jure*. Вероятно, что санкционировать или даже признать любые цены черного рынка, нарушающие подобные правила, было ниже достоинства этих юристов.

Плацентинус в конце XII в. использовал этот критерий в римской юриспруденции, и точно так же поступил, в частности, Азо в начале XIII в. Азо был достаточно либерален, чтобы считать «справедливой ценой» цену продажи, равную цене любой другой сопоставимой продажи, однако Аккурсис, а после него Одофредус — явно ссылались на общую или среднюю рыночную цену, как на стандарт справедливости. Как выразился Аккурсис, «вещь оценивается по той цене, за которую ее обычно можно продать».

Юристы-канонисты приняли тот же критерий для справедливой цены. Влияние практики Каролингов и намеки на Устав Св. Бенедикта VI века проявились в работе каноника конца XII века и ученика Грациана Симона из Бизиньяно, который впервые описал истинную цену благ как цену, по которой они обычно продаются. Той же позиции в XIII веке придерживались и декреталисты. Канонисты и романисты теперь были согласны с тем, что общая цена блага является его справедливой ценой.

Однако даже продвинутые канонисты XIII века были неспособны разрешить одну проблему. С одной стороны, они приняли позицию римского права, согласно которой всякий свободный торг является законным, за исключением определенной области значений выше или ниже «справедливой цены», в качестве которой они принимали текущую общую рыночную цену. Однако с другой стороны, они унаследовали от отцов церкви и предшествовавших им декретистов враждебность по отношению к торговым сделкам, в особенности к сделкам спекулятивным. Каким образом они могли разрешить это противоречие?

Как мы уже убедились, они могли частично ослабить степень осуждения спекуляции. Кроме того, начиная с XIII века и далее, церковь и ее адвокаты-канонисты почти разрешили эту проблему посредством весьма разумной доктрины «двух форумов», над которыми церковь осуществляла свою юрисдикцию. «Внешний форум» — *jus fori* — разрешал общественную деятельность христиан в общественных церковных судах. Эти суды судили за преступления против церкви и ее общего права, придерживаясь во многом той же процедуры, какая принята в светских судах. С другой стороны, «внутренний форум» — *jus poli* — был конфессиональным, в нем священник судил отдельных христиан на основе их личного отношения к Богу. Два форума были самостоятельными и отдельными, соответствующие решения выносились на двух разных уровнях. Хотя предполагается, что церковь управляла обоими, один был внешним и общественным, другой частным и личным.

Доктрина двух форумов позволила каноникам разрешить кажущееся противоречие в каноническом праве. Принцип *laesio enormis*, принцип общего рынка, где ведется свободный торг, относится к сфере действия внешнего права и открытого суда, в которой, иначе говоря, свободный рынок может превалировать. С другой стороны, ограничения на коммерческую прибыль, превышающую трудовые затраты, издержки и риски — не являлись предметом рассмотрения государства и внешнего закона и были вопросом совести на исповеди. Еще более очевидно, что к сфере индивидуальной исповеди относились запреты, налагаемые на торговлю или спекуляцию на основе жадности, как выходящие за рамки почетной необходимости содержания своей семьи. Очевидно, что только сам человек в глубине души мог знать о своих намерениях; едва ли они были наблюдаемы для внешнего закона.

2.5 Запрет каноников на ростовщичество

Значительное ослабление морально-этических и юридических ограничений и запретов в отношении торговли, на которое пошли канонисты и романисты в Средние века не распространялось, к сожалению, на суровые запреты, наложенные на ростовщичество. Современные люди думают,

что «ростовщичество» — это когда запрашивают очень высокие процентные ставки по кредиту, однако смысл этого понятия до недавнего времени был совершенно иным. «Ростовщичество» в классическом понимании не предполагает вообще *никакого* процента по кредиту, вне зависимости от того, насколько он может быть мал. Запрет ростовщичества был запретом на начисление любых процентов по кредиту.

В древнем мире, за одним-единственным исключением, никто — в Греции, в Китае, в Индии или в Месопотамии — не запрещал процента. Этим исключением были евреи, которые разрешали взимать процент с гоев, но запрещали его в еврейской среде, что явилось проявлением групповой узкоплеменной морали.

Бесспорно, что ожесточенные нападки средневековых христиан на ростовщичество выглядят странными. С одной стороны, в Евангелии или у ранних отцов церкви по этому поводу не говорится ничего, несмотря на всю их враждебность к торговле, которая может быть истолкована, как призыв запретить ростовщичество. Однако на самом деле притча о талантах в Евангелии от Матфея (25: 14–30) легко может быть истолкована, как одобрение процента по коммерческим кредитам. Кампания против ростовщичества началась с первого Вселенского Никейского собора 325 года, на котором запрещалось начисление процентов по кредиту только духовенству. Однако Никейский собор ухватился за одну фразу из псалма 14 Ветхого Завета: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? ... кто серебра своего не отдает в рост ...», которому в Средние века было суждено стать любимым — и практически единственным — библейским текстом, направленным против ростовщичества. Никейский запрет был повторен на более поздних соборах IV века в Эльвире в Испании и в Карфагене, а затем в V веке папа Лев I распространил этот запрет также на мирян, обвинив миряно-ростовщиков в том, что они потворствуют *turpe lurcum*. Несколько поместных советов в Галлии в VII веке подтвердили осуждение, вынесенное папой Львом I, аналогичным образом

поступил и папа Адриан, и несколько английских церковных соборов в VIII веке.

Однако всеобщий запрет на ростовщичество в светском законодательстве впервые появился только при всеобъемлюще тоталитарном режиме императора Карла Великого. В 789 году на имперском соборе Аахена Карл запретил заниматься ростовщичеством в своей империи всем — и мирянам, и клирикам. Действие запрета было продлено и усилено позднее на соборе в Неймегене в 806 г., на котором ростовщичество было впервые определено, как обмен, при котором «более востребуется при возврате, чем было дано». Таким образом, начиная со времен Карла, ростовщичество стали усиленно выделять в отдельный и особенно злобный вид *turpe lucrum*, и любые попытки ослабить этот запрет встречали яростное сопротивление. Размашистое определение «более востребуется при возврате, чем было дано» без изменений повторялось всеми канониками, начиная с Регино Прюмского в X веке, Иво Шартрского и заканчивая Грацианом.

Но как ни странно, хотя враждебность по отношению к ростовщичествому оставалась прежней и на самом деле среди каноников значительно укрепилась, явная *основа* для этой враждебности претерпела значительные изменения. На протяжении первых столетий христианской эры ростовщичество считалось постыдной разновидностью алчности и отсутствия милосердия; однако еще не стало грехом с точки зрения правосудия. По мере того, как в XI веке в Европе коммерция стала возрождаться и процветать, в реальной жизни осуждение взимания процента по причине отсутствия милосердия стало считаться неуместным, поскольку благотворительность имела мало общего с коммерческим кредитом.

Ансельм Кентерберийский

Именно итальянский монах Св. Ансельм Кентерберийский (1033–1109), первым переложил переменить позиции, с которых осуществлялась атака против ростовщичества — оно теперь стало считаться «воровством». Эту новую доктрину в дальнейшем разрабатывал ученик св. Ансельма Ансельм Луккский, итальянец и уроженец города, в котором процветала текстильная промышленность. В своем каноническом собрании, составленном около 1066 года, Ансельм Луккский явным образом осудил ростовщичество, как кражу и грех против седьмой заповеди и потребовал у ростовщиков компенсации заемщикам за «украденные блага».

Ансельм Луккский

Такое расширительное толкование понятия «кража», и распространение его на добровольный договор, при котором принуждение не использовалось, выглядело безусловно странным, но, тем не менее, эта возмутительная новая концепция была подхвачена и повторена Гуго Сен-Викторским (1096–1141), а также в собрании Иво Шартрского.

В 1139 г. второй церковный Латеранский собор наложил явный запрет на ростовщичество для всех — для мирян и для духовенства, и обвинил всех ростовщиков в бесчестии. На соборе было сделано расплывчатое заявление о том, что в Ветхом и Новом Завете имеются все основания для подобного запрета, однако точная ссылка приведена не была. Девять лет спустя папа Евгений III выступил против распространенной практики монастырей начисления процентов по ипотечным кредитам.

Наконец, с появлением *Декрета* Грациана каноническое право достигло своей зрелости. Грациан обрушился на ростовщичество, используя любое доступное ему оружие, начиная с Псалма 14 и заканчивая новой доктриной о том, что ростовщичество есть кража и, следовательно, требует реституции. Еще более расширяя сферу действия строгого запрета на ростовщичество, Грациан распространил его на товарный кредит, так же, как и на денежный, если возвращаемая сумма была выше основной суммы кредита. И прямо заявил, что в таком случае «справедливая цена» (кредита) будет не обычной рыночной ценой, а нулем, то есть устанавливался точный эквивалент товаров или денег, отданных в займы.

папа Александр III

Возможно, что великий декреталист Папа Александр III и испытывал некоторую благосклонность к свободному рынку в каких-то других вопросах, однако запрет на ростовщичество он еще более углубил и расширил, осудив более высокие цены на товары, покупаемые в кредит, по сравнению с ценами продаж

за наличный расчет. Эта практика была признана скрытым ростовщичеством, даже если проценты по кредиту явным образом не взимались. В 1179 году Третий Латеранский собор под председательством папы Александра III осудил ростовщичество, отлучил от церкви всех выявленных ростовщиков и наложил запрет на их погребение по христианскому обряду.

папа Урбан III

Следующий папа Урбан III (1185–87) в своей декреталии *Consoluit* привлек ранее неиспользованную цитату из Иисуса, «Ссужай без платы, ни на что не надеясь тем самым» (Лк 6:35 «и займы давайте, не ожидая ничего» — в Синодальном переводе нет слова «надежда», важного для дальнейшего обсуждения — *пер.*), которая с тех пор стала краеугольным камнем богословского осуждения ростовщичества, как смертного греха; и не только это: предполагалось, что даже сама *надежда* получения ростовщического дохода практически должна приравниваться к греху.

Одержимость ростовщичеством у каноников стала столь всеобщей, что Грациан, его предшественники и его последователи разрабатывали свои теории продаж, прибыли и справедливой цены, оставаясь в целом в контексте того, подпадала или нет какая-либо конкретная сделка под грозное определение «ростовщичества». Так, в конце XII века такие декретисты, как Симон из Бизиньяно в 1179 г. и великий Хугуччио в 1188 г., поддержали строгий запрет на любой процент, начисленный по кредиту, считая его ростовщичеством, и в то же время разрешали аренду благ или покупку задешево с целью продажи задорого, не относя это к разряду ростовщичества. Хугуччио совершил насилие над

моралью, утверждая, что в *commodatum* — договор аренды, при котором передается только право на *использование* блага — каким-то образом морально очень отличается от *mutuum* — чистого кредита, когда на некоторое время передается право *владения*. С оплатой за аренду, с *commodatum*, все было в порядке, поскольку владелец сохранял право собственности и взимал плату за использование своего собственного блага; однако все каким-то образом становилось греховным, когда кредитор взимал плату за использование блага, которым он больше (временно) не владеет. Торговая прибыль тоже могла признаваться законной и правомерной, как награда за риск, однако проценты по кредиту — где риск несет заемщик, а не кредитор — продолжал считаться ростовщичеством.

Более поздние декреталисты, борясь с практикой торговцев, пытавшихся маскировать ростовщичество в различных видах договоров, настаивали на осуждении подобных контрактов, как «неявно ростовщических», если, как мы это наблюдали при осуществлении договоров купли-продажи, в сознании покупателя и продавца не имеется никакой неопределенности в отношении будущей цены. Каноник начала XIII века Алан Английский заявил, что если в таком договоре имеется неопределенность, и у покупателя и продавца равные шансы на то, чтобы выиграть или проиграть, то тогда ростовщичества нет.

Предоставляя первую реальную, пусть и небольшую лазейку во всеобъемлющем запрете на ростовщичество, Алан Английский объяснил, что такая форма неявного ростовщичества может существовать только в уме, и не может быть предметом принуждения на основе права. Эта лазейка, связанная с неопределенностью, была немного расширена в «Декреталиях» папы Григория IX.

С другой стороны, канонисты упорно расправлялись с попытками уклонения от запрета на ростовщичество, которые рынок продолжил творчески изобретать. К договорам, в которых при продаже предусматривался отсроченный платеж, относились с подозрением, и очень высокие цены в таком

договоре канонисты считали доказательством того, что здесь без всякого сомнения присутствует намерение совершить ростовщическую сделку. В «Декретах» дело зашло так далеко, что были осуждены кредиторы, начислявшие процент на ссуды, которые выдавались путешествующим купцам, хотя канонисты понимали, что процент являлся прямой компенсацией рисков. И хотя канонисты после Иннокентия IV начали говорить о рисках, оправдывающих прибыль, прибыль от рискованных инвестиций стала считаться вполне оправданной, любой процент по чистому кредиту (или *mutuum*) по-прежнему осуждался как ростовщичество, несмотря на все смягчающие обстоятельства.

Запрет ростовщичества стал трагическим изъяном в экономических взглядах средневековых юристов и богословов. Запрет был экономически нерациональным, он отсекал предельных заемщиков и устанавливал высокие кредитные риски для любого заемного капитала. Для его введения в естественном законе не имелось никаких оснований, и их практически нет ни в Ветхом, ни в Новом Завете. И все же на протяжении всех Средних веков за него отчаянно цеплялись. И в результате юристы и богословы оказались вовлеченными в хитроумные и коварные повороты мысли, направленные на то, чтобы обойти этот запрет, идя навстречу растущей практике денежного кредитования и начисления процентов по кредитам. И все же перед средневековыми философами и богословами, особенно поздними философами и богословами, стояла одна завораживающе важная проблема: что *есть* моральное или экономическое обоснование процента при чистом кредите? Как мы убедимся в дальнейшем, средневековые схоласты пришли к достаточно полному пониманию экономических и моральных оправданий почти каждого аспекта процента: как неявной прибыли, обусловленной риском, как упущенной возможности получения прибыли от инвестиций и многое другое. Но почему все-таки процент взимается при простом, безрисковом кредите, когда нет упущенных возможностей? Исчерпывающий ответ на этот вопрос не был получен вплоть до появления австрийской

школы в конце XIX века. Роковое упущение схоластов заключалось в непонимании того, если процент выплачивается, а, равно и назначается, добровольно, то это само по себе является достаточным моральным оправданием. И далее *необходимо было дать* экономическое объяснение, хотя экономическая наука такого объяснения еще не открыла.

Первая систематическая брешь в запрете на ростовщичество появилась у канониста конца XIII века кардинала Гостензиса. Будучи почетным профессором права, Гостензис в миру был в то же время космополитом, исполняя миссию посла Генриха III, которого тот направил к своему другу папе Иннокентию IV. Во-первых Гостензис вернулся к более мягкой старинной традиции, согласно которой ростовщичество считалось немилосердным, но не являлось грехом с точки зрения правосудия. Затем он перечислил не менее 13 случаев, в которых запрет на ростовщичество мог быть снят и проценты по кредиту могли быть начислены. Один из таких случаев, когда было необходимо поручительство гаранта по кредиту; другой, когда продавец может взимать более высокую цену за товар, проданный в кредит, по сравнению с ценой при наличном расчете, при условии, что существует неопределенность (которая, впрочем, существует всегда) относительно будущей цены товара. Еще одно важное исключение позволило кредитору вписать в договор о займе статью о штрафных санкциях, когда должник должен заплатить штраф, превышающий основную сумму, если он не погасит задолженность к указанной дате. И это, конечно, проложило путь для скрытого соглашения между сторонами о такой задержке оплаты, которая позволила бы выплатить такой «штраф». Еще одно исключение состояло в том, что кредитор мог потребовать плату за труды, которые он предпринял, предоставляя данный кредит.

Все это были некоторые разновидности штрафов или особых компенсаций. Но кроме того Гостензис впервые выдвинул новаторский аргумент в пользу установления процентной ставки по кредиту, с самого начала не связанного с отсрочкой

или гарантиями. Это *lucrum cessans* (упущенная выгода), законное начисление процента кредитором, с целью компенсировать ему упущенную выгоду в случае, если бы он инвестировал деньги сам. Иначе говоря, *lucrum cessans* предвосхитила австрийскую концепцию альтернативных издержек, упущенной прибыли и перенесенной на начисляемый процент. К сожалению, однако, использование кардиналом Гостензисом принципа *lucrum cessans* ограничивалось лишь только теми кредиторами, которые предоставляли деньги должнику из благотворительности. Таким образом, на деловой основе кредиторы не могли заниматься начислением процента по кредиту, даже на основании *lucrum cessans*.

Еще одно исключение, сделанное Гостензисом, также открыло путь для начисления процентов по кредитам. Он позволил должнику делать бесплатный подарок кредитору, размер которого мог зависеть от того, как долго этот «подарок» кредитором не востребовался. Однако в этом случае должники, в частности флорентийские банкиры, принявшие депозиты, чувствовали себя обязанными делать «подарки» своим вкладчикам, в противном случае вкладчики переведут свои средства тем конкурентам, которые обычно такие «подарки» делают. Изобретение ложного дарения стало важным механизмом легализации *de facto* начисления процента

1.6 Богословы университета

Парижского

В Средние века богословие было царицей «наук»: т.е. интеллектуальных дисциплин, представляющих истину и мудрость. Однако в эпоху Раннего Средневековья для богословия настали тяжелые времена, и юристам, специалистам по римскому и каноническому праву оставалось лишь внедрять этические системы в право и в дела человеческие. Новый расцвет богословия начался в начале XII в. в Парижском университете под руководством известного Пьера Абеляра.

Пьер Абеляр

С этих пор Париж стал столь же значимыми для средневекового богословия, как Болонья для римского и канонического права. Однако на протяжении оставшейся части XII века богословы сосредоточились лишь обдумывании и выработке метафизических и онтологических вопросов, оставив социальную этику юристам. Пьер Пуатье, ставший позднее доминирующим регентом богословия в соборной школе Нотр-Дам в Париже, в стиле, характерном для богословов XII века, заявил, что такие неоднозначные вопросы, как ростовщичество, должны быть оставлены на усмотрение юристов по каноническому праву.

Однако с началом XIII века, когда теории канонического и римского права уже продвинулись далеко вперед, получившие

университетское образование философы-богословы нового поколения пожелали обратить свое внимание на проблемы социальной этики. Даже до начала XIII века такие влиятельные богословы Парижского университета, как Радульфус Арденс (Radulphus Ardens) и англичанин — позднее кардинал — Стефан Лэнгтон, начали писать о проблемах правосудия. Работая над концепцией «справедливой цены», богословы, к сожалению, не следовали в русле романистов и канонистов, придерживавшихся здравой точки зрения о том, что свободный торг или рыночная цена является законными до тех пор, пока остаются в широких пределах «справедливой цены». Для парижских богословов было аморальным, греховным и незаконным, если рыночная хоть как-то отличалась от справедливой цены. Это, конечно же, означало, что справедливая цена становилась орудием принуждения, призванным заменить широко распространенный стандарт. Арденс установил справедливую цену в качестве важнейшего критерия «справедливой продажи». Еще более решительным был его коллега и автор первой конституции парижского университета, впоследствии кардинал, англичанин Роберт Керзон (1212–1219), который в работе, написанной около 1204 г., назвал продажу товаров выше справедливой цены незаконной практикой, а выдающийся Стефан Лэнгтон сурово обвинил в смертном грехе любого продавца, взимающего плату выше справедливой цены.

Богословы были хорошо осведомлены о своих глубоких расхождениях с юристами, однако продолжали придерживаться своих новаторских и крайних взглядов. Так, профессор богословия в Париже Уильям Осер (1160–1229), в 1220 году писал, что божественный закон, который повелевает, что никакая продажа не должна быть выше справедливой цены, должен вытеснить человеческий закон, который придерживался принципа *laesio enormis*. А его коллега англичанин Томас Чэбхэм в работе, написанной около 1220 г., столь же фанатично настаивал, что божественный закон

требовал от продавца компенсации, даже если продавец просто ошибся, и размер ошибки не превысил одного пенни.

Если богословы настаивали на том, что необходимо неукоснительно придерживаться справедливой цены, то какая цена *могла* считаться таковой? Хотя в то время лишь очень немногие богословы непосредственно рассматривали этот критический вопрос, очевидно, что они мысленно ориентировались на ту же цену, что и канонисты и романисты, а именно — на текущую цену, сложившуюся в данном месте, либо на среднерыночную цену, либо на цену, зафиксированную государством, если подобное регулирование имело место. Парижский богослов конца XII века Пьер Кантор (ум. 1197) рассматривая функцию королевских заседателей, утверждал, что справедливой ценой товаров является их текущая цена. Более сжато выразился в первой половине XIII века великий францисканский богослов Парижского университета англичанин Александр Гэльский (1168–1245), лаконично заявивший, что «справедливая оценка благ» есть та, «на основании которой в данном городе или месте осуществляются продажи». Известный в XIII веке немецкий профессор Парижского университета доминиканец Св. Альберт Великий (1193—1280) выразился еще более определенно: «Цена является справедливой, если равна стоимости проданных товаров, согласно оценке рынка в данный момент времени».

Хотя богословы в своем стремлении насаждать текущую общую цену были более строги, чем юристы-романисты, они проделали конструктивную работу по реабилитации торговцев, подняв их из самых низов морального осуждения, куда те были опущены, благодаря трудам отцов церкви.

Подобно Петру Ломбардскому (ум. 1160), итальянскому профессору богословия в Париже, а затем епископу Парижскому, богословы придерживались той традиционной точки зрения, что купец не мог выполнять свои обязанности, не совершая при этом греха. Начало полной реабилитации торговца было положено в комментариях к «Сентенциям»

Петра Ломбардского (точное название «Сентенции в четырех книгах», 1150–1151).

Петр Ломбардский

Комментаторы, особенно на рубеже XIII века, стали все более систематически оправдывать деятельность купцов и сам процесс извлечения прибыли.

В первую очередь ведущие комментаторы «Сентенций», включая таких парижских профессоров доминиканцы Св. Альберт Великий (Комментарий, 1244–1249), Пьер де Тарантез (1225–1276), позднее ставший папой Иннокентием V (Комментарий, 1253–1257), а также парижский богослов итальянского происхождения Св. Бонавентура (1221–1274), ученик Александра Гэльского, генерал ордена францисканцев, в последствии кардинал (Комментарий, 1250–1251), все они заявили, что деятельность торговцев необходима для общества. Эта концепция подкреплялась заново открытыми в начале XIII века трудами Аристотеля и включением аристотелевской философии в теологию — сначала Альбертом Великим и особенно его великим учеником Фомой Аквинским. Для этих новообращенных аристотелианцев, а также для английского францисканца Александра Гэльского разделение труда в обществе было столь же необходимым, как и сопутствующей ему взаимный обмен товарами и услугами. Таков был путь, каким естественный закон проникал в общественное сознание.

Св. Бонавентура

Св. Альберт Великий

Иннокентий V

Александр Гэльский

В частности Томас Чэбхэм, несмотря на то, что он настаивал на каждом пенни справедливой цены, правильно оценивал роль торговцев, состоявшую в перемещении благ из районов, где они имелись в изобилии, в места, где эти блага были в дефиците. Позднее, в XIII веке эту мысль повторил Альберт Великий.

Если торговля является полезным и даже необходимым видом деятельности, отсюда следует, что прибыль, необходимая для поддержания такой деятельности, является оправданной. Поэтому богословы пересмотрели учение XII века, согласно которому торговцу позволялось получить прибыль только с целью необходимого обеспечения его самого и его семьи. В качестве обоснования богословы XII века признали природу прибыли законной, если она извлекается с тем, чтобы пойти на благотворительность. Францисканец Александр Гэльский был, пожалуй, первым, кто назвал благотворительность и милосердие справедливым и благочестивым мотивом для торговли. Однако — вторя учению Хугуччио — получение прибыли ради сребролюбия или бесконечной и ненасытной алчности, по-прежнему считалось недостойным.

Если, в соответствии с христианской традицией, трудящийся был «достоин награды за труды свои» (Лука 10:7), тогда прибыль от полезной деятельности торговца может быть оправдана его «трудом» или его трудом и издержками, которые уже были декларированы юристами. Фома Аквинский считал заработок купца жалованием за труд. Для богословов «труд» подразделялся на несколько видов деятельности: транспортировка грузов; хранение и уход; и — это было

привнесено канонистами XIII века — принятие на себя риска. Таким образом, коммерческая прибыль являлась платой или наградой за труд торговца по транспортировке и хранению и за его принятие на себя риска. Фактор риска, в частности, особенно подчеркивали Александр Гэльский и Св. Фома Аквинский. Мы должны отметить, в отличие от многих более поздних историков, что целью дискуссий юристов и богословов о труде, издержках и риске, было не использование этих факторов для определения справедливой цены (в качестве которой выступала текущая средняя цена), но оправдание прибыли, получаемой торговцем.

Роберт Керзон был первым богословом XIII века, который в традиционные, хоть и плохо обоснованные богословские осуждения ростовщичества, привнес подход с позиций естественного права. Керзон просто присвоил софистическое моральное различие Хугуччио между арендой и кредитом, при котором первая является законным, а последний незаконным, потому что собственность на деньги временно переходила к заемщику. Более сильное влияние оказал еще один парижский богослов Уильям Осер, который подбросил порцию новых заблуждений во все сильнее разгорающийся костер нападок церкви на ростовщичество. Уильям разглагольствовал о том, что ростовщичество есть воплощение зла и что оно чудовищно, не объясняя при этом, почему; он не только традиционно уподобил ростовщичество краже, но даже сравнил его с убийством и даже хуже. Ибо убийство, сказал он, иногда может быть законным, поскольку только некоторые формы убийства являются грехом, но ростовщичество греховно повсеместно и никогда не может быть признано законным. Так как ростовщичество, согласно Уильяму Осеру, греховно по своей природе, это делает его нарушением естественного закона, в дополнение к другим приписываемым ему беззакониям.

О том, *почему* ростовщичество является грехом по отношению к естественному закону, Уильям ничего определенного не сказал; одним из его новаторских аргументов в борьбе с ростовщичеством был такой: человек, который

начисляет процент на кредит, пытается «продать» время, которое является общим свойством всех живых существ. Поскольку предполагается, что время является общим и бесплатным, Уильям Осер и более поздние богословы смогли поэтому использовать этот аргумент, чтобы причислить к «ростовщичеству» не только ссуду, но также назначение более при продаже в кредит высокой цены, чем при сделке с наличными. Привнеся аргумент о «бесплатном времени», Уильям невольно коснулся позднейшего австрийского решения проблемы чистого процента при безрисковом кредите: продавалось не «время», если выражаться точнее, а «временное предпочтение», когда кредитор продает заемщику деньги, настоящее благо (благо, полезное сейчас), в обмен на долговое обязательство в будущем, то есть на «будущее благо» (благо, которое станет доступным только в какой-то момент в будущем). Но поскольку все предпочитают настоящее благо эквивалентному будущему благу (универсальный факт временного предпочтения), кредитор будет взимать, и заемщик будет готов заплатить процент по кредиту. Тогда процент является ценой временного предпочтения. Неспособность схоластов понять или приблизиться к концепции временного предпочтения в большей степени, чем что-либо иное, дискредитировало их экономические воззрения. И все по причине того, что они неустанно стремились осудить универсальную практику «ростовщичества».

Уильям Осер также пытался оспорить довод о добровольности: как может ростовщичество считаться злом и несправедливостью, если процент добровольно выплачивается заемщиком? В попытке сформулировать один из самых, безусловно, глупых аргументов в истории экономической мысли, Уильям Осер признал, что оплата заемщиком процента является добровольной, однако добавил, что заемщику еще больше понравился бы беспроцентный кредит, так что в «абсолютном» смысле, а не в «условном», бремя процента *не является* добровольным. Уильям почему-то не сумел понять, что то же самое можно сказать покупатель о покупателе *любого*

продукта; поскольку любой покупатель, предпочел бы бесплатное благо бременю любой цены, и на этом основании мы могли бы заключить, что все свободные обмены являются принудительными и греховными в «абсолютном» смысле.

Несмотря на очевидную абсурдность этого аргумента, «условная» добровольность, а также другие новые аргументы Уильяма Осера оказали большое влияние и сразу же были включены число стандартных богословских аргументов против ростовщичества.

Немецкий доминиканец Св. Альберт Великий сослужил великую службу философии, вернув Аристотеля и аристотелизм в западную мысль. Родившийся в Баварии в аристократической семье, Альберт некоторое время был руководителем немецкого провинциального ордена доминиканцев и епископом Регенсбурга, однако большую часть своей долгой жизни он посвятил преподаванию в университетах Парижа и Кельна.

К сожалению, Альберт, будучи прекрасным философом, не был столь же силен в вопросах экономики, и во многих отношениях он направил экономическую теорию схоластов на неверный путь. Его заслуга в том, что он воспитал своего великого ученика Фому Аквинского, что «справедливая цена это обычная рыночная цена» и что выполняемая торговцем социальная роль законна. С другой стороны, Альберт возродил, к сожалению, аргумент Аристотеля, направленный против ростовщичества, неестественным образом умножающего «бесплодный металл», и присовокупил его к общей мешанине накопленных к тому времени всех прочих аргументов против процента. Св. Альберт не понял, что атака Аристотеля на ростовщичество была только частью и этапом последующей денонасации всех видов розничной торговли, поскольку в латинском переводе Аристотеля, доступном Альберту, греческий термин, обозначающий розничную торговлю, соответствовал латинскому слову «меняла». Следовательно, Альберт позаимствовал этот аргумент по ошибке, поскольку он

никак не разделял идею Аристотеля о том, что всякая розничная торговля неестественна и греховна.

Альберт также причинил большой вред научной мысли будущего посредством еще одного неправильного толкования «Никомаховой этики» Аристотеля. Каким-то образом он интерпретировал определение ценности Аристотеля не как потребительскую потребность или нужду, но как «труд и расходы», отчасти предвосхитив, таким образом, более позднюю трудовую теорию стоимости.

2.7 Философ-богослов: Св. Фома Аквинский

Св. Фома Аквинский

Св. Фома Аквинский (1225–74), выдающийся ум Высокого Средневековья, человек, который на основе концепции естественного права и христианской теологии разработал философскую систему Аристотеля, создатель могучего синтеза философии, теологии и науки о человеке, получившего название томизма. Это был молодой итальянец аристократического происхождения, сын графа Ландольфа Аквинского, родившийся в замке Рокказекка близ Неаполя. В раннем возрасте Фома обучался у бенедиктинцев, а затем в университете Неаполя. В возрасте 15 лет он попытался вступить в новый орден доминиканцев, лучшее место для церковных ученых и интеллектуалов, однако этому физически

воспрепятствовали его родители, два года державшие его взаперти. В конце концов, Св. Фома сбежал и присоединился к доминиканцам, затем учился в Кельне и, наконец, в Париже под руководством своего уважаемого учителя Альберта Великого. Фома Аквинский получил докторскую степень в парижском университете и стал преподавать там, а также в других университетских центрах Европы. Фома Аквинский, как говорили, был настолько тучен, что из круглого обеденного стола была вырезана значительная часть так, чтобы он мог за ним сидеть. Фома Аквинский стал автором многочисленных трудов, начиная с его «Комментария» к «Сентенциям» Петра Ломбардского 1250 года, и заканчивая своим шедевром, оказавшим чрезвычайное влияние, трехтомной «Сумма теология», написанной между 1265 и 1273 гг. Именно «Сумма теология» в большей степени, чем любая другая его работа, способствовала тому, что на ближайшие столетия томизм стал мейнстримом католической схоластической теологии.

До недавнего времени исторические исследования, касавшиеся вопроса справедливой цены, начинались, как правило, со Св. Фомы, как будто вся дискуссия по справедливой цене возникла вдруг лишь с появлением в XIII веке мощной фигуры Фомы Аквинского. Однако, в чем мы уже убедились, Фома Аквинский работал в рамках традиции канонистов, романистов и богословов, имевшей долгую и богатую историю.

Поэтому неудивительно, что Фома Аквинский последовал за своим почитаемым учителем Св. Альбертом и другими богословами прошлого века, настаивавших на справедливой цене для всех обменов и, не довольствуясь более либеральным юридическим кредо, предполагающим свободный торг вплоть до предполагаемой точки *laesio enormis*, утверждал, что божественный закон должен иметь приоритет над законом человеческим и требует полной добродетели или точной справедливой цены. К сожалению, Св. Фома, обсуждая справедливую цену, не определил какой именно справедливая цена должна быть, и эта неопределенность стала источником

проблем в будущем. Как основатель системы, опирающейся на великого Аристотеля, Фома Аквинский, вслед за своим предшественником Св. Альбертом, считал себя обязанным включить в свою теорию аристотелевской анализ обмена, со всеми содержащимися в нем двусмысленностями и неясностями. Св. Фома был явным последователем Аристотеля, разделяя ясно выраженное мнение последнего о том, что определителем меновой ценности есть необходимость или полезность для потребителей, выражающаяся в их спросе на блага. И, таким образом, этот протоавстрийский аспект ценности на основе спроса и полезности был возрожден и снова стал частью экономической мысли. С другой стороны, было возрождено и ошибочное представление Аристотеля об обмене, согласно которому ценности «уравниваются», наряду с неподдающимся расшифровке отношением сапожник/застройщик. К сожалению, в тексте «Комментария» к (Никомаховой) «Этике» Фома последовал Св. Альберту в стремлении добавить к полезности, являющейся детерминантом меновой стоимости, еще труд и затраты. Это послужило толчком для возникновения более поздней идеи о том, что Св. Фома либо добавил к теории полезности Аристотеля теорию издержек (труд плюс расходы), либо даже заменил полезность теорией издержек. Некоторые комментаторы даже заявляли, что Фома Аквинский принял трудовую теорию ценности, и эти заявления увенчались печально известной и торжествующей сентенцией британского экономического историка XX века, христианского социалиста Ричарда Генри Тоуни: «Истинным потомком доктрины Фомы Аквинского является трудовая теория стоимости. Карл Маркс — последний из схоластов».

2. Richard Henry Tawney, *Religion and the Rise of Capitalism* (New York: Harcourt, Brace and World, 1937, orig. 1926), p. 36. Enlightenment (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 14.

Историкам понадобилось несколько десятилетий, чтобы оправиться от катастрофически неверного толкования Тоуни. В действительности схоласты были изощренными мыслителями и социальными экономистами, которые выступали за торговлю и капитализм и защищали среднюю рыночную цену в качестве справедливой цены, исключение составляла лишь проблема ростовщичества. Для Аквината аномалией было даже само обсуждение вопроса о труде плюс расходы в теории ценности. Поскольку труд плюс расходы (*никогда* просто труд) появляются только в «Комментариях» Фомы Аквинского, но не в «Сумме», в его *magnum opus*.

3. По вопросу о том, когда были написаны «Комментарии», у историков имеются разногласия. Согласно более ранней точке зрения, они были написаны в 1266 г. или даже раньше, и это говорит о том, что взгляды Фомы Аквинского становились все более зрелыми, и он отходил от ранее тесной приверженности своему учителю Св. Альберту. Новая точка зрения, согласно которой «Комментарий» был написан в то же время, что и «Сумма», оставляет аномалию в неприкосновенности.

Более того, как мы видели, формула труд плюс расходы обычно использовалась во времена Фомы Аквинского в целях оправдания прибыли торговцев, а не как средство определения экономической ценности. Поэтому вполне вероятно, что Фома Аквинский использовал данную концепцию в этом смысле, что делает разумным то соображение, что торговец, которому не удалось в конечном счете покрыть свои расходы и получить прибыль, должен будет выйти из бизнеса.

Кроме того, многое указывает на то, что Фома Аквинский разделял общую точку зрения деятелей церкви своего времени и более ранних эпох о том, что справедливая цена есть общая рыночная цена. Если это так, то он едва мог *также* считать, что справедливая цена была равна издержкам производства, поскольку они могут и отличаются друг от друга. Так, в заключительной части «Суммы» сказано, что «ценностью экономических благ является то, что приходит в человеческое использование и измеряется денежной ценой, для чего были

изобретены деньги». Особенно показательным был ответ Аквината, данный им в начале 1262 г. в письме к Джакомо да Витербо (ум. 1308), причетнику доминиканского монастыря во Флоренции и впоследствии архиепископу Неаполя. В своем письме Фома Аквинский ссылается на общую рыночную цену, как на цену нормативно-справедливую, с которой сравниваются другие контракты. Более того, в «Сумме» Фома Аквинский отмечает то, как влияют на цену спрос и предложение. Более обильное предложение в данном месте будет способствовать понижению цены в этом месте и наоборот. К тому же, описывая это, Св. Фома нисколько не осуждал деятельность купцов и получение ими прибыли, когда они покупали товары там, где они были в изобилии и дешевы, а затем транспортировали их и продавали там, где они были дороги. Ни одно из этих соображений не соответствует взгляду на справедливую цену, как на цену, определяемую издержками.

И, наконец, самое очаровательное и самое главное, Фома Аквинский в своей великой «Сумме» поднял вопрос, обсуждавшийся Цицероном. Торговец, перевозящий зерно в голодающие области. Он знает, что скоро за ним последуют другие торговцы, последуют новые поставки зерна. *Обязан ли купец сообщить голодающему населению о скорых поставках в ближайшее время и, таким образом, пострадать от снижения цены, или он имеет полное право молчать и пожинать плоды высоких цен?* По Цицерону купец обязан раскрывать свою информацию и продавать по более низкой цене. Однако Св. Фома занял другую позицию. Поскольку прибытие более последующих купцов является будущим событием и *поэтому* неопределенным, Фома Аквинский объявил справедливым не требовать от него сообщать своим клиентам о предстоящем прибытии его конкурентов. Он мог продавать свое зерно по преобладающей в этой области рыночной цене, даже если она была чрезвычайно высокой. Конечно, продолжал Фома Аквинский дружелюбно, если торговец желает так или иначе сказать своим клиентам, то это было бы особенно добродетельным, однако справедливость этого от него не

требует. Не существует более разительного примера приверженности Аквината справедливой цене, как текущей цене, определяемой спросом и предложением, а не издержками производства (которые, конечно же, не сильно меняются при перемещении из области изобилия в область, где свирепствует голод).

Косвенным доказательством тому явилось то, что доминиканец Джайлс Лессинский (ум. ок. 1304), ученик Альберта и Фомы Аквинского и профессор богословия в Париже, проанализировал справедливую цену аналогичным образом и категорически заявил, что это общая рыночная цена. Более того, Джайлс подчеркнул, что благо стоит столько, за сколько оно может быть продано за без принуждения или обмана.

Никого не должно удивлять, что Фома Аквинский, в отличие от Аристотеля, весьма благожелательно отзывался о деятельности торговца. Он заявил, что коммерческая прибыль является жалованием торговцу за его труд, наградой за принятие им на себя риска по транспортировке. В комментариях к «Политике» Аристотеля (1272) Аквинат проницательно заметил, что высокие риски морских перевозок ведут к высоким прибылям торговцев. В своем «Комментарии» к «Сентенциям» Петра Ломбардского, написанном в 1250-х годах, Фома следует предшествовавшим ему богословам, ограничиваясь утверждением, что торговцы могут заниматься своей торговлей, не совершая греха. Однако в своей более поздней работе он был гораздо более позитивным, отмечая, что торговцы выполняют важную функцию, доставляя блага оттуда, где они в изобилии, туда, где они редки.

Особо важным был краткое замечание Аквината о взаимной выгоде, которую каждого человек получает при обмене. Как он выразился в «Сумме»: «... купля-продажа, как мы полагаем, побуждается по взаимной выгоде обеих сторон, так как одному нужно что-то, что принадлежит другому, и наоборот».

Основываясь на теории Аристотеля о деньгах, Фома Аквинский отметил их незаменимость в качестве средства

обмена, «меры» выражения ценности и единицы учета. В отличие от Аристотеля, Фома Аквинский не испугался мысли об изменяющейся на рынке ценности денег. Напротив, Фома Аквинский осознал, что покупательная способность денег должна колебаться, и был рад, если она колебалась в меньшем диапазоне, чем обычные цены, что обычно и происходило.

По иронии судьбы всякий раз, когда казалось, что запрет на ростовщичество в Средние века вот-вот ослабнет под напором реальности, теоретики только ужесточали запрет. В то же время, когда кардинал Гостензис, человек изощренного ума и весьма осведомленный, стремится смягчить запрет, Св. Фома Аквинский, к сожалению, снова его ужесточил. Как и его учитель Св. Альберт, Фома Аквинский присовокупил возражение Аристотеля к средневековому запрету на ростовщичество, при этом Аквинат добавил кое-что новое. В средневековой традиции, начиная с заключения — сокрушающего ростовщичество — и хватаясь за любой невнятный попавшийся под руку сколько-нибудь пригодный аргумент, Фома Аквинский по-новому повернул Аристотелеву доктрину. Вместо акцента на бесплодии денег, основного аргумента против ростовщительства, Фома Аквинский воспользовался термином «мера» и подчеркнул, что деньги, в денежном выражении, конечно, имеет фиксированную законную номинальную ценность, а это означает, что формальная природа денег должна оставаться фиксированной. Покупательная способность денег может колебаться в зависимости от изменений в поставках товаров; это закономерно и естественно. Но когда владелец денег, взимая проценты, намеревается вызывать изменения в их ценности, он искажает природу денег, и его действия потому являются греховными и бессмысленными с точки зрения естественного закона.

То, что этот сущий вздор быстро занял центральное место во всей последующей схоластической аргументации в пользу запрета ростовщительства, является свидетельством того, что иррациональность способна завладеть мыслями даже такого великого ученого, как Фома Аквинский (и его последователей).

Заявления о том, что зафиксированная законом номинальная ценность монеты должна означать, что ее ценность при обмене — по крайней мере, со стороны денег — не должна меняться; или что начисление процента есть изменение покупательной способности денег, просто свидетельствует о склонности человека к заблуждению, особенно когда запрет ростовщичества уже сделался главной целью.

Однако в аргументе Фомы Аквинского против ростовщичества содержалось и его собственное изобретение. С его точки зрения деньги полностью «потреблялись»; они «исчезали» при обмене. Поэтому использование денег эквивалентно владению ими. Следовательно, когда кто-либо начисляет процент на кредит, он это делает дважды, за сами деньги и за их использование, хотя они являются одним и тем же. Этот странный тезис еще ярче высветило обсуждение Аквинатом того, почему для владельца денег было законным требовать ренту с того, кто показывал монету.

Имеется в виду тот случай, когда по словам Св. Фомы «...человек, например, может одалживать монеты для выставки...» — *пер.*

В этом случае имеет место депонирование (зависимое держание), плата за хранение чьих-то денег в доверительном управлении. Однако причина, по которой эта плата является законной, для Фомы Аквинского заключалась в том, что показ денег является лишь «вторичным» использованием, отдельным от владения, поскольку деньги не «потребляются» или не исчезают в процессе. А первичное применение денег — исчезнуть при покупке благ.

В связи с этим новым оружием, изобретенным Аквинатом, чтобы бить ростовщичество, имеются несколько серьезных проблем. Во-первых, что *плохого* в том, чтобы брать плату «дважды» — и за владение, и за пользование? Во-вторых, подобная деятельность, даже если она в чем-то неправильная, вряд ли тянет на то, что бы считаться грехом и влечь за собой отлучение, которому католическая церковь на протяжении веков подвергала незадачливого ростовщика. И в-третьих, если

бы Аквинат вышел за рамки правового формализма денег и взглянул на блага, которые заемщик приобрел посредством этого кредита, то он, возможно, увидел бы, что эти приобретенные блага были в широком смысле «плодотворными» и, таким образом, деньги, «исчезнувшие» при продаже, в экономическом смысле благо-эквивалентны деньгам, хранимым заемщиком.

Акцент Святого Фомы на потреблении денег привел к любопытному сдвигу в вопросе о ростовщичестве. В отличие от всех теоретиков, начиная с Грациана, греховным теперь стало не начисление процента по кредиту *per se*, но только на то благо — деньги — которое исчезает. Поэтому, согласно Фоме Аквинскому, начисление процента при товарном кредите в натуральном выражении осуждению как «ростовщичество» не подлежит.

Однако если запрет на ростовщичество в отношении денег был подкреплён новыми аргументами, Фома Аквинский продолжил и закрепил предшествующую традицию, оправдывающую инвестиции в партнерство (*societas*). *Societas* считались законными, потому что каждый партнер сохранял право собственности на свои деньги и избегал риска потерь; следовательно прибыль на такие рискованные инвестиции считалась законной. В конце XI века Иво Шартрский уже кратко наметил отличие *Societas* от ростовщического кредита, и в начале XIII века это различие получило дальнейшее развитие в трудах богословов Роберта Керзона (ок. 1204) и Иоганна Тевтонского в его «Глоссе на Грациана» (1215). Керзон ясно показал, что даже неактивный партнер рискуют капиталом в предприятии. Это, конечно же, означало, что неактивные партнерства такого рода, такие, как займы на конкретные морские плавания, сливаются с фактическими кредитами и черта, их разделяющая, весьма расплывчата. Кроме того, и это стало проблемой, с которой в то время еще никто не сталкивался, не рисковал ли *любой* кредитор капиталом, если заемщик всегда мог оказаться не в состоянии погасить даже основную сумму кредита?

Теперь Аквинат всем своим огромным авторитетом поддержал ту точку зрения, что *societas* были абсолютно законными и не являлись ростовщичеством. Он лаконично заявил, что инвестор денег не передает право собственности работающему партнеру; это право собственности сохраняется за инвестором; так что он рискует своими деньгами и может на законном основании получать прибыль от инвестиций. Однако тут возникает проблема, поскольку Фома Аквинский обходит свой собственный тезис, гласящий, что владение деньгами и право пользования ими есть одно и то же. Раз право пользования деньгами переходит к работающему партнеру, значит, исходя из его собственных принципов, Св. Фома должен был осудить все партнерства, включая *societas*, как незаконные и ростовщические. Противостоя миру XIII века, в котором *societas* процветали и имели решающее значение для деловой и экономической жизни, Аквинат не мог даже помыслить о том, что он должен ввергнуть экономику в хаос, осудив этот устоявшийся инструмент торговли и финансов.

Вместо собственности, связанной с использованием потребляемого блага, Фома Аквинский теперь выдвинул идею о собственности, связанной с риском. Инвестор рискует своим капиталом; поэтому, он сохраняет право собственности на свои инвестиции. Казалось бы, разумный выход, но надуманный; не только потому, что тем самым Аквинат противоречит своей собственной странной теории собственности, он также оказался не в состоянии понять, что в конечном счете не *всякое владение* является необходимо рискованным. Еще одна проблема состояла в том, что тот, кто принимал на себя риски, зарабатывает прибыль на инвестициях денег, которые, как предполагается, должны быть стерильными. Вместо заявления о том, вся прибыль должна идти работающему партнеру, Св. Фома откровенно говорит, что капиталист справедливо получает «доход, идущий оттуда», то есть от использования его денег, «как от своего собственного имущества». Похоже, что в данном случае Св. Фома считает деньги плодородными и

продуктивными, способными предоставить капиталисту независимое вознаграждение.

Тем не менее, несмотря на внутренние противоречия, в изобилии присутствующие в отношении Святого Фомы к ростовщичеству и к *societas*, его учение в целом продолжало доминировать на протяжении 200 лет.

Наконец, Фома Аквинский был твердо убежден в преимуществе частной собственности, по сравнению общественной, и в преимуществе собственности на ресурсы. Частная собственность становится необходимым элементом земного состояния человека. Она является лучшей гарантией мирного и упорядоченного общества и обеспечивает максимально эффективный стимул для заботы об имуществе и его эффективном использовании. Так, в «Сумме» Св. Фома проницательно замечает: «каждый человек является более осторожным в том, что приобретает только для себя, чем в том, что является общим для многих или для всех, поскольку каждый стремится уклоняться от труда и переложить его на другого, если дело касается общества, как это происходит там, где имеется большое количество слуг».

Более того, развивая теорию приобретения в рамках римского права, Фома Аквинский, в преддверии знаменитой теории Джона Локка, обосновал право первоначального приобретения собственности на основе двух основных факторов: труда и поселения. Первоначальное право каждого человека на самого себя у Аквината определялось как «вещное право на себя». Такая индивидуальная самопринадлежность основывается на способностях человека как разумного существа.

Далее, возделывание и использование ранее неиспользуемых земель устанавливает законный титул собственности на землю для одного человека, а не для всех прочих. Теория приобретения Святого Фомы получила дальнейшее разъяснение и развитие в трудах его ближайшего ученика и последователя Иоанна Парижского (Jean Quidort, около 1250–1306), членом того же сообщества доминиканцев при церкви

св. Иакова в Париже состоял и Аквинат. Отстаивая абсолютное право частной собственности, Иоанн заявил, что мирская собственность

«...приобретается отдельными людьми через их собственное мастерство, труд и усердие, и индивиды, как физические лица, имеют право и власть над нею и законное владение; каждый человек может распоряжаться ею самостоятельно и располагать, управлять, держать или отчуждать ее так, как он хочет, если тем самым он не наносит ущерб кому-либо; поскольку он является господином».

Это «поселенческая» теория собственности, проводится многими историками в качестве предшественника марксовой трудовой теории стоимости. Однако при таком подходе смешиваются две очень разные вещи: определение *экономической ценности* или цены блага и решение о том, каким образом неиспользуемые ресурсы переходят в частные руки. Точка зрения Фомы Аквинского — Иоанна Парижского — Джона Локка это «трудовая теория» (где «труд» определяется как затрата человеческой энергии, а не работа за зарплату) происхождения имущества, а *не* трудовая теория стоимости.

В отличие от его предшественника Аристотеля, труд для Фомы Аквинского едва ли мог быть презираемым. Напротив, труд есть диктат позитивного, природного и божественного закона. Фома Аквинский прекрасно знал, что согласно Библии Бог дал человеку власть над всей землей в его пользование. Функция человека состоит в том, чтобы брать материалы, предоставленные природой и, согласно требовательному естественному закону, преобразовывать эту реальность ради достижения своих практических целей. Хотя Фома Аквинский едва ли имел какое-либо представление об экономическом росте или о накоплении капитала, очевидно, что он утверждал человека, как активного преобразователя своей жизни. Вместо ушедшего пассивного греческого идеала, приспособившегося к данным условиям или к требованиям *полиса*.

Возможно, наиболее о значительном вкладе Святого Фомы являются не его высказывания по строго экономическим вопросам, но то, что он заложил основу, каркас экономической теории. Ибо возрождая и развивая Аристотеля, Фома ввел в христианский мир и обосновал философию естественного права, философию, согласно которой человеческий разум способен усвоить основные истины Вселенной. Философия в руках Аквината, как ранее в руках Аристотеля, используя разум, в качестве инструмента познания, снова стала царицей наук. Человеческий разум доказал реальность Вселенной и естественного закона познаваемых классов сущностей. Человеческий разум способен познать природу этого мира, и поэтому может определить правильную этику для человечества. Этика, таким образом, становится подвластной расшифровке. Это рационалистическая традиция идет вразрез с «фидеизм» раннехристианской церкви, ослабляя идею о том, что только вера и сверхъестественное откровение есть источник человеческой этики. Ослабляет потому, что если вера утеряна, этика тоже исчезает. Томизм, напротив, показал, что законы природы, в том числе природы человеческой, обеспечивают человеческий разум средствами обнаружения рациональной этики. Бог создал естественные законы Вселенной для уверенности, однако понимание этих природных законов возможно вне зависимости от того, верит кто-то в Бога-творца или нет. Таким образом, рациональная этика человека стала основываться на действительно научном, а не на сверхъестественном основании.

В том разделе теории естественного закона, который касается прав, Св. Фома от концепции права XII века, как притязания на других, вернулся к нерушимой сфере прав собственности, в которой господствует индивид, и который должен быть защищен от всех остальных. В своей блестящей работе профессор Ричард Так отмечает, что для раннего римского права была характерна «активная» точка зрения на права собственности/владения, в то время как позднее, в XII веке,

романисты в Болонье перевели концепцию «права» в пассивный перечень притязаний на другого человека.

4. Richard Tuck, *Natural Rights Theories: Their Origin and Development* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979)

Эта «пассивная» концепция прав, в противоположность «активной», отражала ту сеть взаимопроникающих обычных и статусных притязаний, характерных для Средневековья. Она, в значительной мере, является предком таких современных устоявшихся «прав-требований», как «право на труд», «право на трехразовое питание» и т.д., которые могут быть исполнены, только если принудить других их исполнять.

Однако в XIII веке в Болонье Франциск Аккурзий положил начало возвращению к активной теории прав собственности, согласно которой каждый индивид является владыкой собственности, которая должна быть защищена от всех прочих.

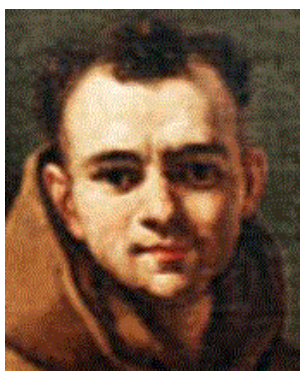
Франциск Аккурзий

Фома Аквинский перенял идею естественного владычества, не пройдя, однако, всего пути к подлинной теории естественного права, согласно которой частная собственность является естественной и не является результатом общественного договора или правительственного указа. Фома Аквинский склонился к принятию теории владычества по причине серьезных идеологических баталий, происходивших конце XIII века между Доминиканским и Францисканским орденом. Францисканцы, проповедовавшие полную нищету,

утверждали, что использование ими ресурсов ради выживания на самом деле не является частной собственностью; эта приятная для них выдумка позволила францисканцам утверждать, что в своем состоянии добровольной бедности они возвысились над собственностью или обладанием каким-либо имуществом. Они говорили странные вещи, утверждая, что использование ресурсов, как сугубое *потребление*, чем они и занимались, не означает владения имуществом. Продажу или раздачу ресурса предположительно нужно было квалифицировать как собственность. Самодостаточность или изоляция, согласно взглядам францисканцев, не позволяли существовать собственности. Конкурирующие доминиканцы, в том числе Аквинат, понятным образом огорченные подобной претензией, стали настаивать, что *всякое использование* обязательно подразумевает владычество, обладание и контроль над ресурсом и, следовательно, собственность.

2.8 Схоласты конца XIII века: францисканцы и теория полезности

Первая победа в борьбе по вопросу о концепции прав собственности досталась францисканцам, теорию которых поддержал их покровитель папа Николай III в своей булле «*Exiit qui seminat*», изданной в 1279 году. Эту теорию, взявшую тогда верх, разработал первый великий критик томизма францисканский схоласт британского происхождения Иоанн Дунс Скот (1265–1308), профессор богословия в Оксфорде, а затем в Париже.

Иоанн Дунс Скот

Фома Аквинский утверждал, что ни частная, ни общественная собственность не являлись необходимым элементом природного состояния и, таким образом, ни одна из них не могла считаться более естественной, чем другая. Скот, напротив, смело утверждал, что в состоянии естественной невинности и естественной закон, и закон божественный устанавливают, что все ресурсы являются общими, поэтому никакой частной собственности или владычества существовать не может. В этом предполагаемом идиллическом примитивном коммунизме каждый человек из общих запасов может брать все, в чем он нуждается.

Теория прав была не единственным отклонением францисканцев от основного направления томизма. Будучи фидеистами, францисканцы вернулись к ранней христианской традиции прежде, чем ее сменил рационализмом Св. Фомы. Они поэтому выступили с осуждением идеи рациональной этики и, следовательно, естественного права.

Однако в скором времени францисканцы, по крайней мере в вопросе теории прав, потерпели поражение. Папа Иоанн XXII, отвечая францисканцам, издал знаменитую буллу «*Quia vir reprobus*» (1329).

Папа Иоанн XXII

В ней безапелляционно утверждалось, что Божья власть над землей нашла свое отражение во владычестве человека и в его обладании материальными благами. Поэтому права собственности *не* являлись, во что верил даже Фома Аквинский, продуктом позитивного права или общественного договора; они коренятся в природе человека, созданного в соответствии с божественным законом. Поэтому права собственности являются естественными и сосуществующими с деятельностью человека в материальном мире. Францисканцы в данном вопросе оказались фактически разгромлены; теперь было установлено, как выразился Ричард Такер, что «собственность является главным фактом человеческого существования, на котором основываются социальные и политические концепции».

5. Ibid., p. 24

В отношении вопросов строго экономических францисканцы также могли допускать отклонения от магистральной томистской концепции справедливой цены. Сам Скот придерживался уклонистских взглядов. В своей комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского Скот разработал концепцию, которую разделяло меньшинство и которую многие историки ошибочно относят к схоластике в целом: что справедливая цена равна издержкам производства торговца плюс компенсации за усердие, труд и риск, связанный с доставкой его продукта на рынок. Кроме того предполагалось,

что компенсации обеспечат адекватную поддержку семьи торговца. Таким образом, формула труд плюс затраты плюс риск, ранее применявшаяся для оправдания любой прибыли, которую торговец мог получить, теперь превратилась в определитель справедливой цены. Скот превратил эти производственные издержки в теорию справедливой цены, в противовес устоявшейся магистральной концепции схоластов, согласно которой общая рыночная цена и была справедливой ценой.

Даже будучи францисканцем, схоласт парижского университета британского происхождения Ричард Миддлтон (1249–1306) следовал экономическому учению Фомы Аквинского и подчеркивал значение потребностей и полезности, как определяющих экономическую ценность. Справедливая цена, в соответствии с главной линией схоластов, была эквивалентна общей рыночной цене, определявшейся этими потребностями.

Ричард Миддлтон

Миддлтон также отметил принципиально важную мысль Фомы Аквинского о том, что при обмене обе стороны получают выгоду. Выражаясь более точно, чем Аквинат, Миддлтон отметил, что, скажем, когда лошадь продается за деньги, тогда и покупатель, и продавец выигрывают от сделки, поскольку покупатель показывает, что он нуждается в лошади больше, чем в деньгах, а продавец предпочитает деньги лошади.

Помимо того, что он развил эту важнейшую концепцию взаимной выгоды, Ричард Миддлтон стал первым, кто применил ее к международной торговле. Международная

торговля, также как и индивидуальный обмен, приносит взаимную выгоду. Миддлтон проиллюстрировал эту идею, предположив, что имеются две страны: страна А, в которой имеется излишек зерна, но не хватает вина, и страна В, в которой изобилие вина и очень мало зерна. Обе страны выиграют от обмена, обменявшись своими соответствующими излишками. Купцы тоже получают прибыль, транспортируя зерно из страны А, где оно в изобилии и цена на него поэтому дешевая, в страну В, где его не хватает, чем определяется его высокая цена. Торговцы заработают свою прибыль и на поставках в обратном направлении: перевозки вина из страны В, в которой цена на него низкая, в страну А, где цена на него высока. Покупая и продавая по текущим рыночным ценам, купцы торгуют на справедливой цене и получают прибыль, никого при этом не эксплуатируя. Купцы получают справедливую компенсацию за то, что оказывают полезные услуги и берут на себя риски и неприятности. Единственным упущением в изощренном анализе Миддлтона стало то, что деятельность многочисленных торговцев будет способствовать выравниванию цен в обеих странах.

Еще более блистательный вклад в экономическую мысль внес провансальский монах-францисканец Пьер де Жан Оливи (1248–1298), на протяжении многих лет читавший лекции во Флоренции.

Пьер де Жан Оливи

В своих двух трактатах о договорах — один был посвящен ростовщичеству, а другой купле и продаже — он отметил, что экономическая ценность определяется тремя факторами: редкостью (*raritas*); полезностью (*virtuositas*); и

желательностью (*complacibilitas*). То, как влияет редкость или то, что мы бы сейчас называли «предложением», понятно: чем более редок продукт, тем более ценным он является, и поэтому тем выше его цена. С другой стороны, чем более обилён продукт (больше его предложение), тем ниже ценность и цена.

Замечательный вклад Оливи состоит в том, что он исследовал ранее расплывчатое понятие потребности или полезности. Ученик и последователь Фомы Аквинского, преподававший в Парижском университете доминиканец Жиль Лессин (*Giles of Lessines*), продвинул концепцию полезности еще на один шаг, заявив, что блага ценятся на рынке больше или меньше, в зависимости от степени их полезности. Однако теперь Оливи подразделил полезность на две части. Одна была *virtuositas*, или объективной полезностью блага, присущая ему объективная сила, способная удовлетворить человеческие потребности. Но, как объясняет Оливи, важным фактором в определении цены является *complacibilitas*, или субъективная полезность, субъективная желательность продукта для индивидуальных потребителей. Более того, Оливи напрямую столкнулся с «парадоксом ценности», который в более позднюю эпоху поставил в тупик Адама Смита и классических экономистов, и предложил гораздо лучшее решение, чем предложили они. «Парадокс ценности» заключается в том, почему такие блага, как вода или хлеб, необходимые для жизни и, следовательно, в соответствии с представлениями классических экономистов, имеющие высокую «потребительскую ценность», могут быть очень дешевыми и иметь низкую ценность на рынке. В то же время, золото или алмазы, наоборот, являются несущественной для жизни роскошью и поэтому имеют гораздо меньшую потребительскую ценность, однако обладают гораздо более высокой меновой ценностью на рынке.

Классические экономисты XVIII и XIX веков попросту оказались неспособными разрешить этот парадокс и совершенно неудовлетворительным образом резко противопоставили друг другу потребительскую и меновую ценность. А вот Оливи указал на решение: вода, хоть она и

является необходимой для жизни человека, столь изобильна и легко доступна, что и определяет ее очень низкую цену на рынке, в то время как золото является гораздо более редким и поэтому гораздо более ценным. Полезность при определении цены зависит от предложения и не является абсолютной. Окончательного решения парадокса ценности пришлось ждать вплоть до появления в конце XIX века австрийской школы: «предельная полезность» — ценность каждой единицы блага — уменьшается по мере увеличения предложения. Таким образом, блага, имеющиеся в избытке, такие, как хлеб или вода — имеют низкую предельную полезность, в то время как предельная полезность редких благ, таких, как золото, будет высокой. Ценность блага на рынке и, следовательно, его цена определяется *предельной* полезностью, а не философской полезностью абстрактного блага во всей его совокупности. Разумеется, однако, что до австрийцев концепции предельной полезности не существовало.

Поэтому для Оливи рынок был ареной, на которой цены на товары формировались в результате взаимодействия индивидов, для которых благо имело различную потребительскую ценность и оценивалось по-разному. Тогда справедливые рыночные цены определяются не в соответствии с объективными качествами блага, но взаимодействием субъективных предпочтений на рынке.

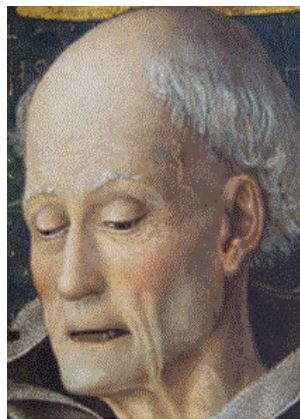
В дополнение к своему монументальному достижению, являясь первооткрывателем субъективной теории полезности, Оливи стал первым, кто привнес в экономическую мысль концепцию капитала (*capitale*), как денежного фонда, инвестированного в деловое предприятие. С середины XII столетия термин «капитал» встречается в многочисленных деловых записях, однако здесь он впервые предстал в виде концепции. Концепция капитала была использована Оливи для того, чтобы показать возможность использования денег плодотворным образом, с целью получения прибыли. Оливи сохранил запрет на ростовщичество, при котором инвестированный капитал не преобразовывался каким-либо

образом посредством труда или усердия инвестора. Однако Оливи оказался одним из немногих схоластов, принявших допущение Гостензиса *lucrum cessans* – разрешающего начисление процентов на кредит, если прибыль от инвестиций была в процессе утеряна. К сожалению, Оливи последовал за Гостензисом в его строгом ограничении *lucrum cessans* кредитами из милосердия. Таким образом, деятельность профессионального ростовщика по-прежнему никоим образом не оправдывалась.

Какая удивительная ирония истории экономической мысли, что первооткрыватель субъективной теории полезности, автор весьма изощренного анализа того, как работает рыночная экономика, веривший в то, что справедливая цена есть общая рыночная цена, инициатор концепции капитала и сторонник, по крайней мере, частичного применения *lucrum cessans*, как способа, оправдывающего процент: что это великий мыслитель, сторонник рынка, оказался лидером ригористского крыла ордена францисканцев, проповедовавших жизнь в условиях крайней нищеты. Одним из возможных объяснений этого может быть то, что Оливи родился в очень важном торговом городе Нарбоне. Он был главным интеллектуальным лидером духовных францисканцев («меньших братьев»), истово веровавших в учение о полной нищете, завещанное основателем ордена св. Франциском Ассизским (1182–1226). Ирония судьбы была еще и в том, что оппоненты Оливи, конвентуальные францисканцы, исповедовавшие завет в его намного более мягкой интерпретации, наложили на Оливи и других спиритуалов анафему и сумели уничтожить множество материальных, а также интеллектуальных следов работы Оливи. В 1304 году, через шесть лет после его смерти, генерал ордена францисканцев повелел уничтожить все работы Оливи, и 14 лет спустя прах несчастного Оливи был эксгумирован, а его кости разбросаны.

Были уничтожены не только многие материальные копии сочинений Оливи, но францисканцам стало опасно даже ссылаться на его работы. В результате, когда спустя почти

полтора столетия забытая работа Оливи был вновь открыта великим францисканским святым Бернардино Сиенским, Бернардино счел благоразумным даже не сослаться на еретика Оливи, хотя в своей работе он буквально слово в слово воспроизводит теорию полезности последнего.

Бернардино Сиенский

Подобное умолчание было необходимо, поскольку Бернардино принадлежал к строгому крылу францисканцев-наблюдателей, являвшихся в чем-то последователями спиритуалов Оливи. Ведь только в 1950-х годов блестящие экономические труды Оливи и его последователя Сан-Бернардино увидели свет.

Вероятно еще одной причиной истерии, с какой представители главной ветви францисканцев встретили религиозные взгляды Пьера Оливи, был его продолжительный флирт с иоакимитской ересью. Один из основателей христианского мистического мессианства был калабрийской отшельник и аббат Йоахим Фиорский (Джоаккино да Фьоре) (1145–1202).

Иоахим Фиорский

В начале 1190-х годов Йоахима утвердил тезис о том, что в истории было не две эры (дохристианская и постхристианская), но три, пророком третьей эры был он сам. Дохристианская эра была эпохой Отца, Ветхого Завета; христианская эра была эпохой Сына, Нового Завета. А теперь наступала новая третья эра, эра исполнения, апокалиптическая эпоха Святого Духа, с которой история вскоре придет к концу. Третья эра, приход которой, как предполагал Йоахим, должна была наступить в течение следующего полувека, в начале или в середине XIII столетия, станет эрой чистой любви и свободы. Божественное знание откроется непосредственно всем людям, не будет ни работы, ни собственности, потому что человеческие существа будут обладать только духовными телами, их материальные тела исчезнут. Не будет ни библии, ни церкви, ни государства, одно только свободное сообщество совершенных духовных существ, которые будут проводить все время в восхвалении Бога и в мистическом экстазе до тех пор, пока не наступят Последние Дни этого тысячелетнего Царства святых, дни Страшного Суда.

Мельчайшие, казалось бы, различия в послылках часто имеют серьезные социальные и политические последствия. Это верно и в отношении разногласий между христианами по малопонятному вопросу об эсхатологии, о науке или дисциплине о Последних Днях. Со времен Св. Августина, ортодоксальная христианская точка зрения была амилленаристской, то есть особого тысячелетия или Царства Божьего в человеческой истории не существует, кроме жизни

Иисуса и установления христианской церкви. Такова точка зрения католиков, лютеран и, вероятно, самого Кальвина. Идеологическое или социальное заключение таково, что Иисус вернется снова, чтобы возвестить о Страшном суде и конце истории в Свое время, так что люди никак не могут ускорить приход Последних Дней. В одном из вариантов этого учения Иисус после своего Второго пришествия положит начало тысячелетнему Царству Божия на земле до наступления Страшного суда; в практическом плане, однако, это мало существенное различие, поскольку христианство останется на месте, и человек по-прежнему ничего не сможет сделать, чтобы вступить в это тысячелетие.

Принципиальная разница возникает с появлением хилиастических идей, наподобие идеи Йоахима Фиорского, когда не только мир в ближайшее время приходит к концу, но также человек должен сделать определенные вещи, чтобы вступить в Последние Дни и подготовить путь для Страшного Суда. Все эти постмилленаристские учения говорят о том, что человек должен *сначала* установить Царство Божие на земле, что является необходимым условием или для Второго пришествия Иисуса, или для Страшного Суда. Вообще, как мы убедимся в дальнейшем, в эпоху Протестантской Реформации постмилленаристские взгляды привели к некоторой форме теократического принуждения общества, с целью проторить пути для наступления кульминации истории. Для Йоахима Фиорского путь к Последним Дням будет освещен новым порядком высокодуховных монахов, от которых произойдут 12 патриархов во главе с верховным учителем, который обратит евреев в христианство, как и предсказано в Откровении, и уведет все человечество от материального и приведет к духовной любви. Затем в течение короткого срока, за три с половиной года, светский царь Антихрист накажет и уничтожит коррумпированную христианскую церковь. Скорое свержение Антихриста затем возвестит о наступлении всеобщей эпохи Духа. Замечательно, что несмотря на радикальность и потенциально взрывоопасную природу

йохимовой ереси, не менее трех пап в наши дни проявили большой интерес к его учению. Однако к середине XIII века йохимиты были малоизвестны и ими пренебрегали. Неудивительно, что йохимитова ересь была возрождена францисканцами-спиритуалами, которые были склонны видеть в собственном процветающем новом порядке и в своей приверженности бедности тот самый монашеский орден, предсказанный Йоахимом, который и приблизит Последние Дни.